

STOCKHOLMS UNIVERSITET
Slaviska institutionen
VT 2009/HT 2009

**ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА И.А. БУНИНА:
УСТОЙЧИВЫЕ ТЕМЫ**

Masteruppsats i ryska
SVETLANA FEDOROVSKAYA

Handledaren – professor ANNA LJUNGGREN

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
Глава I. Дневник И.А. Бунина в контексте русской литературы XIX-XX вв.	6
1.1. Эволюция дневникового жанра в России и дневник И.А. Бунина.....	6
1.2. Дневники и письма. Отношение писателя к их публикациям	12
1.3. И.А. Бунин – герой и автор дневниковых записей	16
Глава II. Дневник И.А. Бунина как объект литературоведческих исследований.....	20
2.1. История публикаций дневниковых записей писателя	20
2.2. Исследования, посвященные дневникам И.А. Бунина	22
2.3. Хронология бунинских записей и их плотность. Вероятные причины отсутствия записей.....	24
Глава III. Устойчивые темы дневниковых записей И.А. Бунина	31
3.1. Литература в дневниковых записях И.А. Бунина.....	35
3.2. Природа в дневниковых записях И.А. Бунина.....	49
3.3. Социальный мир в дневниковых записях И.А. Бунина.....	68
3.4. Характер изменений записей о литературе, природе и социальном мире в дневниках И.А. Бунина.....	80
Заключение.....	87
Библиография.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Литературное наследие Ивана Алексеевича Бунина включает в себя стихи и прозу, эссеистику, переводы, газетные выступления и письма, записные книжки, мемуарные и иные записи. Существенной частью этого наследия являются дневники, охватывающие семьдесят три года жизни писателя.

Автобиографические записи Бунина дают богатейшее представление о развитии личности автора, формировании его мировоззрения, об отношении к современным ему событиям. Как и дневники других писателей, они являются документами, ярко характеризующими автора и одновременно воссоздающими эпоху.

Дневнику и его жанровому своеобразию посвящают свои работы многие современные исследователи, в один голос отмечающие некую "пограничность" его статуса.

Так, О.Г. Егоров в своем исследовании о русском литературном дневнике XIX века справедливо замечает: "Своеобразие дневника связано с его пограничным положением между рукописной и печатной литературой"¹.

Воспринимает дневники как "произведения, находящиеся на пересечении жанровых систем"² и А.М. Новожилова. Упомянув о записках княгини Е. Р. Дашковой и Екатерины II, опубликованных Н.М. Карамзиным «Письмах русского путешественника» и др., А.М. Новожилова относит их к первым дневниковым записям, появление которых "спровоцировало «подвижность» жанровой системы и междужанровых границ"³.

Схожую точку зрения по этому вопросу имеет и О.Б. Боброва: "Дневники писателей обнаруживают в своей структуре элементы других жанровых форм, что свидетельствует о конкретном художественном явлении конца XX века – смене жанровых вех, тенденции развития дневниковой прозы как жанрового синтеза форм нон-фикшн"⁴.

Понятие "нон-фикшн"⁵, упомянутое последним, взято О.Б. Бобровой у другого исследователя дневниковой прозы – М.Ю. Михеева, так же отметившего "некий *про-*

¹ Егоров О.Г. Литературный дневник XIX века: история и теория жанра. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – С. 5. (Далее в тексте: Егоров О.Г. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

² Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра [Электрон. ресурс]: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2004. – С. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте [Электрон. ресурс]: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / ВолГУ. – Волгоград, 2007. – С. 8.

⁵ Дневники, записные книжки, черновики, заметки в альбом, маргиналии... – это всё может быть названо *обыденной литературой*, по выражению друга Пушкина кн. П.А. Вяземского. Выражаясь современно, *non-fiction, antifiction*, – то есть тексты, обращенные более к жизни, чем к вымыслу и скорее к быту, чем к воображению и фантазии. [Выделение автора]. (Цит. по: Михеев М.Ю. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или *пред-текст* [Электрон. ресурс]: – М., 2006). (Далее в тексте: Михеев М.Ю. Указ. соч.).

межуточный статус»¹ дневника. М.Ю. Михеев объясняет занимаемое дневником положение так: ”Это еще не то, что следовало бы оформить как текст литературы, но и уже не то, что было эфемерной, сразу же исчезающей из сознания и из памяти (в колебаниях воздуха) речью. Иными словами, это *почти-текст, недо-текст, около-текст*, или *пред-литература* – уже теряющая невинность и безответственность спонтанной речи, но и не приобретающая законченности, окончательности, выверенности собственно текста. В этом смысле *пред-текст* – жанр вспомогательный, промежуточный»².

Дневник Бунина являет собой яркую иллюстрацию того промежуточного положения между рукописной и печатной литературой, которое занимает дневник как таковой. Или, говоря другими словами, он служит наглядным примером гибрида интимного и литературного дневников.

На наш взгляд, известный дневник Марии Башкирцевой³, которая, по мнению О.Г. Егорова, относилась к ”личностям с невротической психикой”⁴, испытывающим ”особую потребность в дневнике как в зеркале душевных надломов”⁵, является примером интимного дневника, опубликованного лишь после смерти автора. Как пишет исследователь, ”бытование дневника в рукописной форме не мешало ему оставаться литературным жанром и участвовать с другими на равных в литературном процессе”⁶. Убедительным подтверждением этому служат дневники Василия Розанова⁷, в которые в течение всего дня автор записывал посещающие его мысли, философские раздумья, а позднее опубликовал. И эти книги (”Опавшие листья”, ”Уединенное”, ”Мимолетное”, ”Последние листья” и ”Апокалипсис нашего времени”) являются примером литературного дневника, для автора которого публикация являлась сознательным шагом, по верному определению О.Г. Егорова, по привлечению ”к ним внимания читателя-друга”⁸.

О желании иметь собеседника, быть услышанным пишет в своем дневнике и С.Н. Есин: ”Побудительными мотивами к написанию дневника все-таки являлось обращение к живым [...]”⁹ Стремление приобрести читателя-друга не остается незамеченным и для литературного критика есинских дневников, написавшего в послесловии

¹ Михеев М.Ю. Указ. соч. [Выделение автора]

² Там же. [Выделение автора]

³ Башкирцева Мария Константиновна (1860-1884) – российская художница. Творческое наследие (более 150 картин, рисунки, скульптуры), а также ”Дневник” (на французском языке; в русском переводе впервые опубликован в 1892 г.) отразили умонастроения и эстетические веяния последней четверти 19 в.

⁴ Егоров О.Г. Указ. дисс. С. 29.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Розанов Василий Васильевич (1856-1919) – русский философ, эссеист, критик и публицист.

⁸ Егоров О.Г. Указ. дисс. С. 6.

⁹ Есин С.Н. ”На рубеже веков. Дневник ректора”. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С.4.

к ним: ”Автор пишет с любознательностью человека, *не забывающего* о том, что может быть интересно для его соотечественника”¹.

Дневники Бунина рассматриваются нами как наглядный пример ситуации, сложившейся вокруг многих дневников известных писателей и которую очень метко охарактеризовал еще один исследователь дневника К.С. Пигров: ”Дневник проделывает путь от непосредственного внутреннего общения (с самим собой) к внелитературному тексту и, наконец, будучи «вставлен в рамку», приобретая эстетический момент, – к литературе. [...] Возникший как результат аффекта, как эпифеномен, дневник начинает *использоваться* как самим автором, так и его ближними/дальними. Сверхприватный дневниковый текст становится публичным. [...]”²

По верному определению Е.Г. Новиковой, этот текст ”является открытым”³, поскольку его ”автор может по собственному желанию прервать записи и продолжить ведение дневника в любой момент”⁴. И, являясь, по мнению К.С. Пигрова, ничем иным как ”эффективной технологией себя”⁵, он позволит нам увидеть, как его автор ”конструирует” сам себя. А поскольку дневник – одновременно и ”техника думать то, что мы действительно думаем”⁶, то он позволит нам увидеть личность его автора.

Опираясь на концепцию Ю.М. Лотмана⁷, в данной работе мы рассматриваем содержание бунинских записей как ”единый текст”. ”Мельчайшей текстовой единицей”⁸ или, говоря другими словами, ”смысловым элементом текста”⁹ в этом едином смысловом пространстве является мотив, который, как справедливо заметила Н.В. Матвеева, ”соотносится с мировоззрением и мироощущением писателя, указывает направление

¹ Косыгин С. [Электрон. ресурс]. Рецензия на кн.: Есин С.Н. ”На рубеже веков. Дневник ректора”. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

² Пигров К.С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни [Электрон. ресурс] // *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. Вып. 4. – СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2004. – С. 101. [Выделение автора]. (Далее в тексте: Пигров К.С. Указ. соч. (с указ. стр.)).

³ Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: Дисс. ... канд. филол. наук / СГУ. – Ставрополь, 2005. – С. 104. (Далее в тексте: Новикова Е.Г. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

⁴ Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 104-105.

⁵ Пигров К.С. Указ. соч. С. 76.

⁶ Пигров К.С. Рефлектирующий человек в информационном обществе, или Императив философствования (феномен интимного дневника) [Электрон. ресурс] // Россия и Грузия: диалог и родство культур. Сборник материалов симпозиума. Вып. 1. – СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. – С. 301.

⁷ Представлена в ряде работ. В их числе: ... разнообразие текстов Тютчева имеет органическую тенденцию складываться в единый текст – «лирика Тютчева». (Цит. по: Лотман Ю.М.: *Поэтический мир Тютчева* // Тютчевский сборник. – Таллин, 1990. – С. 139. (Далее в тексте: Лотман Ю.М. Указ. соч. (с указ. стр.)); ... описывая литературу той или иной эпохи как единый текст... (Цит. по: *О содержании и структуре понятия художественная литература* [Электрон. ресурс] // Избр. ст.: В 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1).

⁸ Васильева О.В. Функция мотива в лирике М.Ю. Лермонтова: Дисс. ... канд. фил. наук / ПГУ. – Псков, 2004. – С. 8.

⁹ Силантьев И.В. Трактовки мотива в современном литературоведении [Электрон. ресурс] // Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999.

его мысли”¹. ”Мотивные комплексы”² – смысловые сферы в этом многомерном пространстве – в дальнейшем мы будем называть темами. Последние, встречающиеся в каждый из рассматриваемых в данной работе периодов времени, получили название устойчивых тем³.

Актуальность данного исследования обусловлена существующей до сих пор малоизученностью дневникового наследия И.А. Бунина в силу того, что исследователи обращали прежде всего внимание на его прозаические, поэтические и публицистические произведения. Устойчивые темы дневниковых записей писателя, в том числе в контексте личности писателя, до сих пор не были объектом специального изучения.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые предприняты попытки анализа устойчивых тем дневниковых записей И.А. Бунина и динамики чередования относящихся к ним фрагментов. В рамках работы впервые сделана попытка исследования присутствующей в записях лексики чувственного восприятия, проведен сравнительный анализ отношения писателя к дневникам и письмам, в том числе к их публикациям.

Предметом данного исследования является текст дневников И.А. Бунина.

Цель данного исследования – изучение тематики дневников И.А. Бунина как источника оценок восприятия писателем окружающего мира, происходящих в нем событий и самого себя.

Общей целью исследования определяются следующие **задачи**:

- 1) сопоставить количественный состав имеющихся дневниковых записей И.А. Бунина за каждый год и выделить три временных периода, содержащих наибольшее количество подневных записей;
- 2) рассмотреть основные темы записей за данные периоды времени и определить наиболее устойчивые темы;
- 3) проанализировать наиболее устойчивые темы записей И.А. Бунина и определить характер их изменений;
- 4) по возможности определить и провести анализ ключевых слов для каждой из наиболее устойчивых тем записей.

Цель и задачи исследования определили выбор **метода работы**. В его основе – прием количественного подсчета, проблемно-хронологический, описательный и сопоставительный методы.

¹ Матвеева Н.В. Драматургическая трилогия А. Платонова (”Шарманка”, ”14 Красных Избушек”, ”Ноев ковчег”): система мотивов: Дисс. ... канд. фил. наук / УГУ. – Екатеринбург, 2008. – С. 9.

² Матвеева Н.В. Автореф. ... вышеуказ. дисс. [Электрон. ресурс]. С. 9.

³ Более подробно далее: С. 31-32.

Глава I. Дневник И.А. Бунина в контексте русской литературы XIX-XX вв.

1.1. Эволюция дневникового жанра в России и дневник И.А. Бунина

Жанр дневника в русской словесности имеет долгую историю. ”В России, – как отмечает О.Б. Боброва, – начало дневника как жанра мемуарной литературы связано со временем принятия христианства на Руси и начала путешествий русских людей по святым местам: в Палестину, Афон и Константинополь”¹. Именно эти путешествия нашли отражение в паломнической литературе – в хождениях², которые ”явились тем источником, который уже в 12 веке стал жанровой разновидностью дневника”³.

Проходят столетия, наступает 18 век, вторая половина которого знаменуется приходом сентиментализма⁴. Новое литературное направление выдвигает на первый план чувства и порождает ”активное формирование разновидностей жанра дневника – «реальных», бытовых дневников – записей частного характера и дневников художественного повествования”⁵. Но именно в 19 веке, как пишет О.Г. Егоров, к ”дневнику стали *de jure* относиться как к литературному явлению”⁶. Дневник, как известно, выполняет множество функций, но, как справедливо отмечает исследователь литературного дневника 19 века, ”помимо выполнения психологических, социальных и литературных задач, дневник в XIX веке стал средством удовлетворения нравственно-интеллектуальных запросов личности”⁷. Ярким подтверждением тому служат строки из из книги воспоминаний выдающегося русского врача Н.И. Пирогова⁸:

”Не одна внешняя правда, а раскрытие правды внутренней перед самим собой ... должно быть назначением биографии человека мыслящего. Он не постороннего читателя, а прежде всего – собственное сознание, должен ознакомить с самим собой; это значит – автобиограф должен уяснить себе разбо-

¹ Боброва О.Б. Указ. дисс. С. 9.

² Хождения – один из жанров древнерусской литературы, представляющий собой описание путешествий. (См.: Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. – С. 613. (Далее в тексте: Евгеньева А.П. Указ. слов. (с указ. тома и стр.)).

³ Боброва О.Б. Указ. дисс. С. 11.

⁴ Сентиментализм – литературное направление второй половины XVIII в. – начала XIX в., пришедшее на смену классицизму, характеризующееся особенным вниманием к индивидуальному душевному миру человека, к природе и отчасти идеализирующее действительность. (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 4. С. 77).

⁵ Боброва О.Б. Указ. дисс. С. 14-15. [Выделение автора].

⁶ Егоров О.Г. Указ. дисс. С. 7.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Пирогов Николай Иванович (1810-1881) – русский хирург и анатом, педагог, основоположник военно-полевой хирургии. Член-корреспондент Петербургской Академии наук.

ром их действий их мотивы и цели, иногда глубоко скрывающиеся в тайнике души и долго непонятные не только для других, но и для самого себя”¹. (Запись от 5 ноября 1879 г.)

Следует подчеркнуть, что именно в конце 19 столетия юный Бунин начинает по-настоящему верить дневнику свои заветные мысли:

”[...] Что меня ждет? – задавал я себе вопрос. Еще осенью я словно ждал чего-то, кровь бродила во мне, и сердце ныло так сладко, и даже по временам я плакал, сам не зная от чего; но и сквозь слезы и грусть, навеянную красотой природы или стихами, во мне закипало радостное, светлое чувство молодости, как молодая травка весенней порой. Непременно я полюблю, думал я. [...]” (Запись за декабрь 1885 г.)

Поиск ответов на сокровенные вопросы будет продолжаться и в следующем веке:

”[...] Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну! И неужели в некий день все это, мне уже столь близкое, привычное, дорогое, будет сразу у меня отнято, – сразу и уже навсегда, навеки, сколько бы тысячелетий ни было еще на земле? *Как этому поверить, как с этим примириться? Как постигнуть всю потрясающую жестокость и нелепость этого?* Ни единая душа, невзирая ни на что, втайне не верит этому. Но откуда же тогда та боль, что неотступно преследует нас всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящий день, час и миг?” (Запись от 16 февраля 1911 г.)²

А.М. Новожилова в своей работе справедливо отмечает: ”Огромный пласт дневников писателей и поэтов начала XX века, дошедший до нас, указывает на само стрем-

¹ Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача/ [сост. А.Д. Тюриков]. – Иваново, 2008. – С. 17. (Далее в тексте: Пирогов Н.И. Указ. соч. (с указ. стр.)).

² Далее в данной работе приводится авторская датировка записей. Недатированные записи встречаются в дневнике Бунина крайне редко (1888, 1919 и 1941 гг.). В записях за 1918-1924 гг., а также в дневнике 1914 г. указание на дату дается одновременно по старому и новому стилю (*Капри, 1/14 янв. 14 г.*). Иногда автор сам уточняет, какого стиля он придерживается (*1 июня (н. с.) 24 г.*).

Помимо характерного для дневника указания на число записи в нем также имеется указание на время суток (*Ночью с 28 на 29 Авг. (с 9 на 10 Сент.) 23 г.*; в дневнике 1907 г.: *7 мая, 9 ч. утра*) и день недели (*Понедельник, 3 марта, 24; 1.8. 44. Вторник*). В некоторых записях имеется указание на место, где произведена запись (в дневнике 1907 г.: *16 мая, утром, в Средиземном море; 26 июля 1913 г., дача Ковалевского (под Одессой); Конец сент. 1923 г., Грасс*).

Помимо названий населенных пунктов (в дневнике 1907 г.: *13 мая. Порт-Саид; 7 июля 12 г. Клевка, Себежский уезд*) иногда к дате автор добавляет название православных и католических праздников (*28. IV. 40. Светлое Воскресенье; 22. V. 41. Четв. Католич. Вознесение; 24. XII. 41. Сочельник католический; 15. 8. 44. Вторник. Успение*). Указание на месяц дается как арабскими, так и римскими цифрами.

ление авторов вести дневниковые записи, или обращаться к ним”¹. И действительно, мы наблюдаем своего рода волну дневников писателей и поэтов той поры: Александра Блока, Михаила Кузмина, Корнея Чуковского, Вячеслава Иванова, Зинаиды Гиппиус, Валерия Брюсова, Лидии Чуковской, ”Камер-фурьерский журнал” Владислава Ходасевича и многих других.

По верному определению А.М. Новожиловой, ”в начале XX века дневниковый жанр ... становится жизненной школой: писатель открывает свою потаенность, делает это достоянием некоторого круга слушателей (читателей)”². Чтение дневников в кругу родных и друзей-единомышленников, ознакомление их с собственными размышлениями, которое имело место, как пишет О.Г. Егоров, в 19 веке ”в тургеневском кружке, на вечерах в доме Штакеншнейдеров, в семействах Бакуниных, Аксаковых, Толстых”³, получает дальнейшее продолжение в следующем столетии.

В 20 веке круг слушателей у авторов литературных дневников расширяется: ознакомление с собственными дневниками происходит у некоторых поэтов и писателей и с незнакомыми людьми. Так, поэт Михаил Кузмин, как пишет А.М. Новожилова, ”читает свои дневники не только в узком кругу, но и совсем незнакомым людям”⁴. Фактом прижизненной публикации кузминских дневников – для всеобщего прочтения – является сообщение в прессе: ”В Петербурге подготовлены к печати дневники М.А. Кузмина, обнимающие период с 1893 г. по 1922 г.”^{5, 6}

Таким образом, Иван Алексеевич Бунин начал вести свои первые записи в то время, когда дневник уже являлся литературным жанром.

Чтение популярных в те годы дневников, имеющих целью ”апробацию нравственных понятий, философских мыслей, жизненных правил, над которым автор работал и размышлял в своей летописи”⁷, порождало у читателя желание писать собственный дневник. А.М. Новожилова в своей работе приводит этому пример – ”запись в одном популярном сборнике в начале XX века, когда автор признает свое «заражение» от чтения чужих опубликованных записей: «Чтение этих мемуаров соблазнило и меня вести

¹ Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра: дисс. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2004. – С. 29. (Далее в тексте: Новожилова А.М. Указ. дисс. (с указ. стр.).

² Новожилова А.М. Указ. дисс. С. 31.

³ Егоров О.Г. Указ. дисс. С. 6.

⁴ Новожилова А.М. Указ. дисс. С. 32.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Последние новости, 1922. – 16 сентября. – С. 2. [Примечание в дисс. Новожиловой А.М. С. 32].

⁷ Егоров О.Г. Указ. дисс. С. 6.

свой дневник»^{1,2}.

Учитывая то, что к написанию собственных дневников писателя побуждали не только внешние причины, но и внутренняя необходимость, одновременно отметим, что именно в эмоционально-психологической атмосфере, царящей в то время в русском обществе, юный Бунин начинает вести записи, а затем, будучи уже зрелым человеком, продолжает написание дневника, интимную часть которого, по-видимому, впоследствии уничтожает³.

Дневниковой прозе Бунин всегда давал высокую оценку, которая не раз звучала из уст писателя в многочисленных разговорах, ведущихся на вилле в Грассе. Одна из таких бесед описана в "Грасском дневнике" Галины Кузнецовой⁴, когда по прочтении критической статьи о дневниках автора "Войны и мира" Бунин произнес:

"– И вообще *нет ничего лучше дневника*. [...] Тут жизнь как она есть – всего насовано. *Нет ничего лучше дневников – все остальное брехня!* [...]"⁵

Писатель оставался активным читателем дневников всю свою жизнь, что подтверждают многочисленные записи в его дневниках:

"4 июля.

Житие юродивых. Дождь. *Записки Дашковой*". (Запись за 1915 г.)

"27 Октября 1916 г.

Читаю *записки В. Бертенсона «За тридцать лет»*".

"19 авг. 1920 г., Париж

Прочел отрывок из *дневника покойного Андреева*. «Покойного!» Как этому поверить! [...]"

"Читал эти дни в «Сев. В.» (1897 г.) «*Дневник бр. Гонкуров*». Очень хорошо – кроме посл. лет, когда Эдмон стал писать сущий вздор (напр., о русской литературе) и придавать до наивности большое значение тому перевороту во фр. литературе, который будто он с братом совершил". (29.VIII. 40 г. Четверг).

"Читаю *записки Порошина*, воспитателя Павла I. Обожествление маль-

¹ «Щукинский сборник», М., 1910, вып. 9, с. 226. [Примечание в дисс. Новожиловой А.М. С. 23].

² Новожилова А.М. Указ. дисс. С. 23.

³ [...] Впрочем, о многом я не мог писать, хотя бы об отношениях с некоторыми женщинами. Ведь об этом нельзя рассказывать. Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками не случилось, полный их текст никогда не увидит света. (Цит. по: Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям. – Bayville: Товарищество зарубежных писателей, 1979. – С. 110. Далее в тексте: Бахрах А. Указ. соч. (с указ. стр)).

⁴ Кузнецова Галина Николаевна (1900-1976) – русская поэтесса и писательница.

⁵ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. – М.: Московский рабочий, 1995. – С. 96. (Далее в тексте: Кузнецова ва Г.Н. Указ. соч. (с указ. стр.)).

чишки, часто оч. гадкого и наглого”. (2.4. Пятница.) (Запись за 1943 г.)

К некоторым из них в течение своей жизни он возвращался не один раз:

”27 октября 1916 г.

[...]

Прочел (перечел) “Дневник Башкирцевой”¹. [...] Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Снова думаю, что слава Б. (основанная ведь больше всего на этом дневнике) непомерно раздута. Снова очень неприятный осадок от этого дневника. [...]”

”13. VIII.

Кончил *перечитывать* “Дневник” Башкирцевой. Вторая половина книги очень примирила меня с ней. И какая действ. несчастная судьба! [...]” (запись за 1942 г.)

“12. IV. 40.

”[...] *Пересматриваю* опять письма и дневники А. К. Толстого. Соверш. очароват. человек!”

Умелые замечания критиков в статьях о дневниках знаменитых людей приводили писателя в восторг, о чем по прошествии лет вспоминала Галина Кузнецова:

”Зашла перед обедом в кабинет. И. А. лежит и читает статью Полнера о дневниках С.А. Толстой. Прочел мне кое-какие выписки (о ревности С. А., о том, что она ревновала ко всему: к книгам, к народу, к прошлому, к будущему, к московским дамам, к той женщине, которую Толстой когда-то еще непременно должен был встретить), потом отложил книгу и стал восхищаться:

– Нет, это отлично! Надо непременно воспользоваться этим, как литературным материалом... «К народу, к прошлому, к будущему...» Замечательно! И как хорошо сказано, что она была «промокаема для всех неприятностей!»²

К вышеупомянутому дневнику Бунин вернется спустя годы:

”2.4. Пятница.

¹ Оригинальный текст дневника Марии Башкирцевой, ранее считавшийся утраченным и по-новому раскрывающий личность Башкирцевой, был обнаружен в 1980-х годах в Национальной библиотеке Франции. Ныне идет публикация полного текста дневника на французском языке, а также его английского перевода (опубликована первая часть под названием “I Am the Most Interesting Book of All”).

² Кузнецова Г.Н. Указ. соч. С. 96. [Запись от 28 декабря 1928 г.]

[...]

Продолжаю читать фр. перевод дневников С. А. Толстой (2 тома). Одержимая!” (1943 г.)

Как мы видим, Бунин высоко ценил дневниковые тексты – ”зеркала”, к которым с жадностью готовы прильнуть и любопытные читатели, и сами авторы. Ведь ”глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. Мы созерцаемся только в других предметах”¹. Дневник предоставляет автору возможность удовлетворить ”*потребность в самоописании*”², или, говоря словами К.С. Пигрова, в скриптизации³. Именно в процессе ведения записей у Бунина, как и у других авторов дневников, происходило, по верному определению К.С. Пигрова, ”*самосознание письмом*”⁴. Самосознание – процесс, в котором происходит ”полное понимание своей сущности, самого себя, своей роли в жизни, в обществе”⁵, – напрямую, на наш взгляд, связан с ”*аутокогнитивной, и/или социализационной функцией*”⁶ дневника. Поэтому приведем справедливое замечание М.Ю. Михеева об этой ведущей функции дневника:

”Естественно, что записывая (и перечитывая) свои записи, мы часто *сами лучше познаем мотивы собственных поступков*: ведение дневника, как считается, концентрирует и ускоряет процесс извлечения опыта из «потока жизни»”⁷.

Бунин, равно как и его многочисленные современники, в процессе ведения записей, этой ”интимной доверительной беседы с самим собой”⁸, испытывал желание, а при чтении чужих дневников его утолял – желание, которое в 1879 г. выразил и метко охарактеризовал Н.И. Пирогов:

”Какой *глубокий интерес* заключается для каждого из нас *в сравнении собственного мировоззрения с взглядами, руководившими другого, нам подобного, на пути жизни*”⁹.

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Н.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. – СПб.: Искусство – СПб, 2008. – С. 124.

² Пигров К.С. Указ. соч. С. 105.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ См.: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 2. – С. 544.

⁶ Михеев М.Ю. Указ. соч. [Выделение автора].

⁷ Там же.

⁸ Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 16.

⁹ Пирогов Н.И. Указ. соч. С. 17.

1.2. Дневники и письма. Отношение писателя к их публикациям

В современном литературоведении дневники и письма относят к единому понятию "эго-текста или *пред-текста*"¹, введенному М.Ю. Михеевым. Под это определение, по мнению исследователя, в том числе подпадают "и записные книжки (ежедневник, блокнот, альбом, черновик, записи для памяти, календарь), и мемуары ... путевые журналы, автобиографии, исповеди, маргиналии, рабочие тетради, и так называемые блоги в интернете"².

На наш взгляд, следует уделить отдельное внимание отношению писателя к публикации своих дневников и писем, а также роли, выполняемой Буниным в собственной дневниковой прозе.

Сделав небольшое отступление, заметим, что как жанр письма и дневники по-разному оценивались исследователями. Так, в первой трети прошлого столетия в советском литературоведении к жанрам мемуаристики относили лишь дневники. Н. Бельчиков, один из авторов статьи о мемуарной литературе в Литературной энциклопедии, к упомянутым жанрам причислял лишь дневник, воспоминания-записки, автобиографию и биографические воспоминания. Следует отметить, что к жанру автобиографии Н. Бельчиков относил и исповедь³. Одновременно автор данной статьи подчеркивал, что данная классификация "схематична и сама по себе не определяет жанрового существа того или иного произведения мемуарной литературы"⁴.

Занимаясь уже в наши дни исследованием дневниковых текстов, М.Ю. Михеев отмечает, что под определение эго-текста – помимо дневникового, а также мемуарного текстов с его осязаемым "временным отступом от описываемых событий"⁵ – подпадают и письма с их "отступлением уже от автокоммуникации, то есть адресованности самому себе и выходящей на передний план диалогической направленностью высказывания"⁶. Наличие в письмах диалога приводит к определенной зависимости автора от адресата, о чем пишет А.М. Колядина: "[...] человек в процессе написания текста, всегда на подсознательном уровне смотрит на себя со стороны, оценивая слова, которые

¹ Михеев М. Ю. Указ. соч.

² Там же.

³ Бельчиков Н. Объем и состав понятия // Мемуарная литература. Литературная энциклопедия. – М., 1934. – Т. 7. – С. 131-133.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Михеев М. Ю. Указ. соч.

⁶ Там же.

использует, то есть как эти слова воспримет адресат, в каком свете ему нужно себя представить, чтобы понравиться или наоборот, вызвать определенную реакцию того, кто прочтет этот текст. Этим и обусловлена зависимость автора и адресата”¹.

Мысль об этом, по всей видимости, не раз приходила на ум писателю. И всецело доверяя свои самые заветные мысли и переживания дневникам, Бунин делает глубокие наблюдения над их писанием в сравнении с письмами:

”Кто когда писал правду о себе и о других в письмах? Всегда надо считаться с тем, кому и когда они написаны, учитывать, сколько в них фальши, желания польстить тому, кому они адресованы, или, напротив, самохвальства. И чисто литературной красоты. Ведь я всегда помню, что мои письма все-ми сохраняются и рискуют быть напечатанными после моей смерти. Хотя вот уже сколько лет прошу и завещаю, чтобы все мои письма – до последнего – сожгли. Разве кто-нибудь в письмах до конца честен, правдив и откровенен? В особенности писатели? В жизни можно быть честным, в письмах нельзя”².

Следует подчеркнуть, что отношение Бунина к письмам, высказанное вслух в приведенном выше отрывке из разговора с писательницей Ириной Одоевцевой³, ”зафиксировано” и в двух официальных документах. Настоятельное пожелание, чтобы никакие его письма не публиковались, выразил Бунин в первом завещании, датированном маем 1942 г.:

”Все *мои* письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать. С просьбой об этом обращаюсь и к моим адресатам, то есть к владельцам этих писем. Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал, – в силу разных обстоятельств. (Один из многих примеров – письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать)”⁴.

И пусть в написанном им спустя 9 лет литературном завещании писатель идет на некую уступку в отношении возможной публикации отрывков из его писем, следует отме-

¹ Колядина А.М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина: Дисс. ... канд. фил. наук / СГПУ. – Самара, 2006. – С. 103. (Далее в тексте: Колядина А.М. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

² Одоевцева И. В. На берегах Сены. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 382. (Далее в тексте: Одоевцева И. В. Указ. соч. (с указ. стр.)).

³ Одоевцева Ирина Владимировна (1895-1990) – русский поэт и прозаик, автор романов ”Ангел смерти”, ”Изольда”, ”Оставь надежду”, книг воспоминаний ”На берегах Невы” и ”На берегах Сены” и др.

⁴ Бунин И. А. К моему завещанию // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9. – С. 480. [Выделение автора].

тить, что в целом бунинская оценка писем с годами не меняется:

”[...] О письмах я уже писал в другом месте («К моему завещанию»): я чрезвычайно прошу не печатать их, – я писал их всегда как попало, слишком небрежно и *порою* не совсем кое-где искренне (в силу тех или иных обстоятельств), да и просто неинтересно; из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки – чаще всего *как биографический материал*. [...]”¹.

Следует сразу оговориться, что под вышеприведенное замечание о неполной искренности писем, на наш взгляд, не попадают бунинские послания к родным. В свое время Лидия Гинзбург² отмечала ”смелость и свободу сочетаний и высокую небрежность речи”³ в письмах Александра Блока к родным. Подобными словами, на наш взгляд, можно охарактеризовать и бунинские послания к родным, в которых одновременно с небрежностью речи – оборотной стороной ”великолепного презрения к стилю, к эпистолярности, к круглым фразам”⁴ – присутствует искренность интонации. Подтверждением характеристики, данной известным литературоведом о письмах к родным как о посланиях ”к людям, для которых не принято делать выборку материала, которым все интересно”⁵, служат бунинские письма – к старшему брату Юлию⁶ и к двоюродному племяннику Николаю Пушешникову⁷:

”Чрезвычайно прошу тебя – немедленно сходи к Мюру и Мерилизу⁸ на Кузнецком, д. Гагарина – возьми мои старые брюки – я забыл, покупая у них пару. Пожалуйста”⁹. (Бунину Ю.А. 28 июля 1901 г. Под Москвой).

”Милый родной, спасибо. На днях приеду.

¹ Бунин И. А. К моему литературному завещанию // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9. – С. 483. [Выделение автора].

² Гинзбург Лидия Яковлевна (1902-1990) – прозаик, литературовед, литературный критик. Автор книг ”О психологической прозе”, ”Человек за письменным столом”, ”О литературном герое” и др.

³ Гинзбург Л.Я. Записи 1920–1930-х годов // Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 57.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Бунин Юлий Алексеевич (1857-1921) – литературный и общественный деятель, публицист, один из основателей и председатель литературного кружка ”Среда”, наставник, учитель, первый читатель и критик произведений Бунина.

⁷ Пушешников Николай Алексеевич (1882-1939) – переводчик Тагора, Киплинга, Голсуорси, Джека Лондона. Сын Алексея Ивановича Пушешникова и Софьи Николаевны Буниной, двоюродной сестры писателя. В Васильевском, имении Пушешниковых, Бунин часто бывал в детстве и юности, а также уже будучи взрослым человеком. Вместе с Колей, как называл писатель племянника, и Верой Николаевной Бунин подолгу путешествовал по Европе, в т.ч. прожил на Капри с ноября 1911-го по февраль 1912 года, а также с ноября 1912-го по апрель 1913 года.

⁸ Крупный магазин в Москве, ныне ЦУМ. [Примечание в книге]. (См.: Бунин И.А. Письма 1885-1904 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 384. (Далее в тексте: Бунин И.А. Письма, 2003 (с указ. стр.)).

⁹ Там же. С. 384.

Юлий вернулся из Москвы и 26-го снова уезжает – или за границу или в Финляндию. (Кстати: у него дорогой вытащили 125 р.)

Всех целую.

Ив. Бунин”¹ (Пушешникову Н.А. 19 июня 1905 г. Огневка)

”Лисансули Лисанса, барышня хохулишня. Крепко целую тебя”². (Бунину Ю.А. 11 февраля 1901 г., Ялта).

Возвращаясь к общей оценке, данной Буниным в своих завещаниях письмам, отметим, что писатель был не одинок в этом своем восприятии. Точно такого же мнения в отношении самого написания писем придерживался, к примеру, и П.И. Чайковский:

”27 июля 1888: Мне кажется, что письма никогда не бывают вполне искренни. Сужу по крайней мере по себе. К кому-бы, и для чего бы я ни писал, я всегда забочусь о том какое впечатление произведет письмо не только на корреспондента, а и на какого-нибудь случайного читателя. Следовательно я рисуюсь. Иногда я стараюсь чтобы тон письма был простой и искренний, то есть чтобы так казалось. Но кроме писем, написанных в минуты аффекта, никогда в письме я не бываю сам собой. Зато этот последний род писем бывает всегда источником раскаяния и сожаления, иногда даже очень мучительных. Когда я читаю письма знакомых людей, печатаемые после их смерти, меня всегда коробит неопределенное ощущение фальши и лживости”³.

Отзвук столь нелестной оценки писем находим мы и у В.Н. Буниной:

”[...] Разбираю письма. [...] Попалась пачка писем Бальмонта. Вот льстец. [...] Ведь по письмам можно думать, что дороже Яна для него нет никого. [...]” (запись от 8 февраля 1923 г.)

Нужно сказать, что в отличие от негативной оценки писем и устойчивого нежелания их публиковать, Бунин не был против публикации своих дневников:

”[...] Дневники мои тоже, по-моему, мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем. [...]”⁴

¹ Бунин И.А. Письма 1905-1918 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 11.

² Бунин И.А. Письма, 2003. С. 357.

³ Из дневника П.И. Чайковского. (Цит. по: Михеев М.Ю. Указ. соч.). [Выделение автора].

⁴ Бунин И. А. К моему литературному завещанию // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9. – С. 483.

Подтверждением бунинских слов о нерегулярности ведения записей и об их уничтожении служит тот факт, что в дневниках писателя имеются значительные временные перерывы. Например: в юношеских записях, сделанных в Озерках (29 декабря 1885 г. – 20 декабря 1886 г.) и в записях, выведенных рукой зрелого мастера в Грассе (30 ноября 1929 г. – 16 октября 1930 г.). Почти год проходит между окончанием одесских записей и началом парижских (9 августа 1919 г. – 19 августа 1920 г.). Многомесячные перерывы есть, к примеру, как в парижских (19 августа 1920 г. – 22 февраля 1921 г.), так и в записях, сделанных писателем во время поездок (19 августа 1937 г., Венеция – 5 ноября 1938 г., Босолей). Имеется также большое количество ”черных дневниковых дыр” – последствия уничтожения автором собственных записей.

Теперь, проведя сравнительный анализ отношения И.А. Бунина к письмам и его отношения к дневникам, включающий в себя отношение писателя к их публикациям, перейдем к рассмотрению роли автора в его дневниковой прозе.

1.3. И.А. Бунин – герой и автор дневниковых записей

Тема взаимоотношений автора и героя одной из первых получила свое развитие у М.М. Бахтина в ”Авторе и герое в эстетической деятельности”. Для известного ученого прежде всего важна неразрывная связь героя и автора как участников ”эстетического события”, которое ”может состояться лишь при двух участниках” и ”предполагает два несовпадающих сознания”¹. М.М. Бахтин, по мнению которого ”каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым”², в вышеуказанной работе рассмотрел три случая отношения автора к герою, отметив, что ”внутри каждого возможно множество вариаций”³. Одним из них являлся случай, ”когда герой является сам своим автором”⁴.

Взаимоотношения автора и героя волнуют и современных ученых-филологов. Так, Е.В. Снежко в своей диссертации, посвященной поэтике мемуарной и автобиографической прозы писателя, пишет о важном моменте, затронутом Ю.В. Мальцевым в

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [Электрон. ресурс] // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. (Далее в тексте: Бахтин М.М. Указ. соч. (с указ. стр.)).

² Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Электрон. ресурс] // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 473-500.

³ Бахтин М.М. Указ. соч.

⁴ Там же.

книге о Бунине: ”Исследователь отмечает, что рассказчик в произведениях Бунина выполняет двойную роль, являясь одновременно и повествующим субъектом, и объектом повествования”¹.

Многие из сегодняшних исследователей творчества писателя единодушны в вопросе о том, как соотносятся в бунинской прозе *автор* и *герой*. В.С. Казакевич в своей статье, посвященной бунинским дневникам 1939-1945 гг. как третьей, по его мнению, части автобиографической трилогии, двумя первыми частями которой являются роман ”Жизнь Арсеньева” и ”Окаянные дни”, пишет: ”Автор любого дневника естественно превращается в героя этого дневника”².

”У Бунина исчезает различие субъект-объекта, «я» растворяется в объекте, а объект делается подчеркнуто субъективным”³, – такой вывод делает Ю.В. Мальцев, говоря о позднем творчестве писателя. На ином материале приходит к схожему выводу Е.Г. Новикова. Исследуя два типа дневников – классические, к которым автор относит личные дневники писателей XX века (И.А. Бунина, В.Я. Брюсова, З.Н. Гиппиус, А.А. Блока, М.И. Цветаевой и др.), актера В.С. Золотухина, художницы Т.С. Фисенко, а также сетевые дневники, Е.Г. Новикова отмечает:

”Стержнем, организующим текст КД [классический дневник], выступает динамическая автохарактеристика субъекта повествования, где автор воспринимает себя как многогранную личность. Бинарная оппозиция «я – другой» указывает на двойственность личности говорящего, который *одновременно является субъектом, объектом и адресатом текста*, вступает в речевое взаимодействие с самим собой. Выделение трех составляющих авторского «я» соотносится с бытовым (повседневным), бытийным (философским) и институциональным (профессиональным) типами дискурсов, которые реализуются в анализируемых текстах дневников XX века”⁴.

Данная точка зрения совпадает с нашей точкой зрения на вопрос об авторе и герое в дневниковой прозе И.А. Бунина. На наш взгляд, писатель является одновременно и автором в своих дневниках и их героем, что подтверждают его записи 1917 г.:

¹ Снежко Е.В. Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И.А. Бунина эмигрантского периода: Дисс. ... канд. филол. наук / МГПУ. – М., 2006. – С. 7.

² Казакевич В.С. Последние чтения на вилле Jeannette // Journal of the Faculty of Humanities University of Toyama, № 52, 2010, р. 292. (Далее в тексте: Казакевич В.С. Указ. соч. (с указанием страницы)).

³ Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870-1953. – М.: Посев, 1994. – С. 281. Далее ссылки на это издание даются в виде сокращения: Мальцев Ю.В. Иван Бунин... (с указанием страницы).

⁴ Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 85.

”Как странно все освещает осенняя заря! – *сказал* Вере, поднимаясь в гору”. (15 сентября).

”*Говорил*, как ничтожно искусство!” (30 сентября).

”8 октября, 11 ч. утра.

[...] Поехал через аллею, ветер вычистил ее середину, вся листва сметена на бока. *Думал*: «Могучим блеском полон голый сад, синим и сияющим эфиром”. В поле дорога еще тверда, кое-где начинает потеть. [...]

Бунин ”экономит” на личных местоимениях, оставляя лишь глагол, к примеру, *думал*, часто встречающийся в записях, и создается ощущение, что автор дневников как будто бы описывает внутреннее состояние своего героя:

”[...] *Думал* – здесь особенно похоже на весну. Если бы ехал весной, тут, в затишье, среди стволов, на спуске с горы, было бы жарко, птицы были бы, сладость, мука радостная, полная надежд на что-то – и на любовь, как всегда! – были бы”. (8 октября, 11 ч. утра).

”[...] Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, *думал*, что бывает, что стоит часа в четыре довольно высоко три четверти белого месяца, и никто никогда не написал такого блестящего дня с месяцем. *Люблю* август – роскошь всего, обилие, главное – огороды, зелень, картошка, высокие конопля, подсолнухи. На мужицких гумнах молотба, новая солома возле тока, красный платок на бабе...”. (8 августа).

Последняя запись необычна тем, что при отсутствующих местоимениях в ней имеется переход высказываний от глагола несовершенного вида прошедшего времени к глаголу такого же вида в настоящем времени. Это позволяет на месте намеренно опущенного писателем местоимения ”я” в первом высказывании поставить местоимение ”он”. Предположительный переход от третьего лица к первому является возможным фактором присутствия художественного элемента в дневниковых записях Бунина, неким сигналом о переходе к художественной прозе. Здесь можно вспомнить русскую фольклорную лирику, для которой подобные ”спонтанные и немотивированные (не связанные с прямой речью) переходы высказываний от третьего лица к первому”, по мнению С.Н. Бройтмана, типичны:

Шел детинушка дорогою,
Шел дорогою, он шел широкою.

Уж я думаю-подумаю,
Припаду к земле, послушаю

(Собр. народных песен П.В. Киреевского)¹.

Именно там – ”в древней («мифопоэтической») лирике, отличающейся *прямым синкретизмом*² автора и героя”³ – близость автора и героя, как пишет С.Н. Бройтман, особенно велика. Эту близость, выраженную в некоем раздвоении автора, выступающего в двойной роли – и автора, и героя – мы наблюдаем и в бунинских дневниках. Подобное, по определению Ю.В. Мальцева, ”дробление нашего «я»”⁴ было, по всей вероятности, знакомо многим авторам дневников, подтверждением чему служит запись из дневника М. Башкирцевой:

”Когда я буду угощать вас чувствительными фразами, не поддавайтесь слишком большому впечатлению. Из двух моих я, стремящихся к жизни, одно говорит другому: «А ну-ка, испытай что-нибудь!..» И это другое я, готовое расчувствоваться, всегда подавлено первым я, я – зрителем, вечно стоящим на своем наблюдательном посту и стерегущим другого”⁵.

В предыдущей работе⁶ мы писали о том, что литературно-творческая функция, на наш взгляд, является одной из основных функций, которую выполняет дневник писателя. Приведенный в данной работе материал дает возможность предположить третьеличное повествование в подневных записях Бунина, что говорит о присутствии в них художественного элемента и подтверждает правильность нашей оценки дневниковой прозы Бунина как неотъемлемой части его литературного наследия.

¹ Бройтман С.Н. Лирический субъект // Чернец Л.В. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 311. (Далее в тексте: Бройтман С. Н. Указ. соч. (с указанием страницы).

² Слабая расчлененность, или синкретизм. (См.: Бройтман С. Н. Указ. соч. С. 310).

³ Там же. С. 311. [Выделение автора].

⁴ Мальцев Ю.В. Указ. соч. С. 318.

⁵ Башкирцева М. Дневник. – М., Захаров: 2005. – С. 634. [Выделение автора].

⁶ Fedorovskaya Svetlana. Образ природы в дневниках И.А. Бунина – отражение мировосприятия писателя: ля: Kandidatuppsats / SU. – Stockholm, 2008.

Глава II. Дневник И.А. Бунина как объект литературоведческих исследований

2.1. История публикаций дневниковых записей писателя

На сегодняшний день опубликованы два отдельных издания дневников И.А. Бунина: трехтомное издание "Устами Буниных"¹, выпущенное "Посевом" в 1977-1982 годах во Франкфурте-на-Майне, и книга "Лишь слову жизнь дана"² в серии "Русские дневники", вышедшая в свет в 1990 г. в Москве. В 2005 году российский филиал издательства "Посев" осуществил переиздание книги "Устами Буниных", выпустив ее под одноименным названием в виде двух томов.

Помимо двух вышеназванных книг дневник писателя также опубликован в 6-ом томе Собрания сочинений Бунина в шести томах (М.: Худож. лит., 1988).

Все вышеназванные книги являются необходимыми для исследования наследия писателя дополнениями друг друга, поскольку в силу определенных обстоятельств во всех изданиях имеются различные и многочисленные лакуны.

Так, записи Бунина с 18 января по 14 мая 1918 г., имеющиеся в вышеназванном шеститомнике, отсутствуют в изданиях "Посева" и "Советской России". Во франкфуртском издании отсутствуют бунинские записи от 1 августа до 21 ноября 1917 г., которые имеются в книге "Лишь слову жизнь дана" и в издании "Художественной литературы" по причине того, что дневник писателя, который он вел в эти месяцы, каким-то образом попал в Сибирь.

В свое время Ю.В. Мальцев, говоря о "кропотливом и любовном труде" редактора книги "Устами Буниных" Милицы Грин³, в течение долгих лет разбиравшей исписанные едва различимыми, выцветшими от времени чернилами страницы бунинских дневников, справедливо заметил, что "в такого рода публикациях сокращения и отбор" неизбежны⁴.

Свою роль сыграла и специфика лет публикаций дневников писателя. Как известно, в 70-е, в конце 80-х и в начале 90-х годов обценная лексика могла существовать на бумаге только в виде многоточия, а язык Бунина, впитавший в себя все "остроумие,

¹ Имеется публикация в Интернете. (См.: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/index.shtml#gr10).

² Имеется публикация в Интернете. (См.: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-1.htm>).

³ Милица Эдуардовна Грин – преподаватель Эдинбургского университета, наследница архива Буниных, который она завещала университету в г. Лидс, куда тот поступил в период с 1985 по 1991 гг.

⁴ Мальцев Ю.В. Предисловие // Устами Буниных: Дневники: В 2 т. – М.: Посев, 2005. – Т. 1. – С. 6. (Далее в тексте: Устами Буниных (с указ. тома и стр.)).

яркость, соль”¹ народного языка – языка крестьян, с которыми писатель общался с детства, был ею богат. И это увлечение Бунина, известное его современникам, нашло свое отражение в их воспоминаниях². Причиной лакун были не только цензурные, но и этические соображения, так как в те годы были живы люди, которых могли оскорбить какие-то высказывания Бунина.

В настоящее время идет работа по подготовке современного издания дневников Бунина, откомментированного и без купюр, в котором принимают участие российские и западные ученые. В их числе Ричард Дэвис, заведующий Русским архивом³ Университета г. Лидс, любезно предоставивший часть информации для данной работы. Семейный архив Буниных, а также архив писателя Леонида Зурова⁴, прожившего долгие годы рядом с ними, – так называемый ”парижский архив” Бунина – составляет значительную часть Русского архива в г. Лидс. В России бунинские материалы рассредоточены ”в различных российских центральных и областных архивах, музеях, библиотеках”⁵, а также в ЦГАЛИ⁶, ЦГОАР⁷ и спецхранах. Именно вместе лидское и российское собрания дают полную картину жизни и творчества писателя.

Следует подчеркнуть, что на данный момент мы располагаем лишь информацией о количестве дневниковых записей Бунина за определенные годы, которые хранятся в Русском архиве г. Лидс, но мы не знакомы с содержанием этих записей. Поэтому все исследования, выводы и заключения в этой работе будут проводиться на основе трех вышеназванных публикаций, имеющих в нашем распоряжении.

¹ [...] Я очень сокрушаюсь тем, что не записываю многого о нем, это так приятно перечитывать потом. [...] Сколько он говорил мне интересного, значительного, важного, а я не записывала, поленилась, забыла... Хотя бы его присказки, пословицы, словечки. Он часто говорил с печалью и некоторой гордостью, что с ним умрет настоящий русский язык [...] Правда, пословицы и песни часто неприличные, но как это сильно, метко, резко выражено. [...] (Цит. по: Кузнецова Г.Н. Указ. соч. С. 33).

² [...] Все в тех же тридцатых годах как-то приехала я из Брюсселя; И.А. встретил меня на вокзале. [...] Мы сели в такси, и по дороге Иван Алексеевич, с обычной своей остротой, принялся рассказывать все, что произошло в русском литературном Париже, выражаясь крепко и по-русски, о своих и моих собратьях. Жаль, не было тогда еще кассет, чтобы сохранить неповторимую (и нецензурную) речь академика. А когда мы выходили из такси, то, обернувшись к нам с веселым лицом, шофер сказал: «Приятно было покатасть гордость нашей эмиграции. Я прямо заслушался – ох, и хорошо же Вы знаете русский язык!» – и отказался взять на чай. [...] (Цит. по.: Шаховская З.А. // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 237. Далее в тексте: Pro et contra (с указанием страницы)).

³ Leeds Russian Archive – крупнейший архив русской эмиграции в Великобритании, основанный в 1982 г.
⁴ Зуров Леонид Федорович (1902-1971) – русский прозаик. Автор сборника рассказов ”Кадет” и повести ”Отчина”. Незаконченная повесть ”Иван-да-Марья” вышла в 2005 г. в журнале ”Звезде” (№№ 8 и 9).

⁵ Крюкова Н. Г. Дневники И.А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /ЕГУ. – Елец, 2000. – С. 10. (Далее в тексте: Указ. автореф. (с указ. стр.)).

⁶ В 1959-1961 гг. в ЦГАЛИ поступило значительное количество материалов из Парижского архива писателя, переданных в Советский Союз В.Н. Буниной.

⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ныне Государственный архив РФ.

2.2. Исследования, посвященные дневникам И.А. Бунина

Творчество И.А. Бунина всегда находилось под пристальным вниманием: начиная с рецензий на первый сборник стихов Бунина, опубликованный как приложение к газете "Орловский вестник"¹, позднее оно вызывает живой отклик как у видных деятелей литературной критики своего времени, так и у мастеров пера, таких как Ф.А. Степун, К.И. Чуковский, Ю.И. Айхенвальд, В.В. Набоков, М.А. Волошин, Г.В. Адамович, М.П. Бицилли и многих других.

По известным причинам в период эмиграции писателя интерес к его личности и творчеству в России ослабевает, и только после вечера, состоявшегося в Москве в 1955 году и посвященного И.А. Бунину², появляются первые статьи А.К. Бабореко, О.Н. Михайлова, Т.М. Бонами, В.Н. Афанасьева, А.А. Волкова, посвященные общему анализу творчества писателя. Следует также отметить очерк К.Г. Паустовского "Иван Бунин" и вступительную статью А.Т. Твардовского к 9-томному собранию сочинений Бунина (1965 г.), в которых дается высокая оценка писателю как продолжателя традиций русской классической литературы. Позднее появляются работы О.В. Сливичкой, Л.А. Смирновой, Л.А. Колобаевой и других.

Огромная часть существующих на сегодняшний день статей и исследований о творчестве писателя освещает вопросы, связанные с прозой и поэзией Бунина. К ним относится и диссертация Е.В. Снежко, в первой главе которой, посвященной мемуарной публицистике Бунина, упоминаются дневники писателя. В ней исследователь, сравнивая записи из личных дневников и из книги "Окаянные дни", приходит к выводу, – подтверждающему предположение, ранее высказанное Милицей Грин³, – о том, что "основой «Окаянных дней» явились переработанные фрагменты из личных дневниковых записей Бунина дореволюционного и послереволюционного времени"⁴.

Работ именно по дневниковому наследию писателя немного, и говоря о них, сле-

¹ Отзывы об этом сборнике напечатаны: Артист. 1892. № 20. Автор – И.А. Иванов; Наблюдатель. 1892. Кн. 3; Мир Божий. 1892. Кн. 3. Библиогр. листок; Север. 1892. № 9. 1 марта; Всемирная иллюстрация. 1892. № 1218. 23 мая; Орловский вестник. 1892. № 118. 6 мая и № 137. 28 мая. (См.: Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 430-431. (Далее в тексте: Бабореко А.К. Указ. соч. (с указ. стр.)).

² Состоялся 20 октября 1955 г. в московском Литературном музее. (См.: Жирмунская Т. Иван Бунин: "Никого в подлунной нет. Только я да Бог..." // Истина и жизнь. – 2007. – № 4).

³ [...] Жизни в Одессе посвящен пространственный дневник В. Н., как и страницы записей Бунина [...] Относятся эти записи ко времени, когда Одесса находилась в руках большевиков в 1919 году. Предполагаю, что из этих заметок частично родились впоследствии "Окаянные дни". (Цит. по: Устами Буниных. Т. 1. С. 148).

⁴ Снежко Е.В. Указ. дисс. С. 26-27.

дует назвать диссертацию М.К. Шемякиной¹, проделавшей сопоставительный анализ дневников двух земляков – И.А. Бунина и М.М. Пришвина – ”в поисках сходных констант «внутренних» миров их авторов”², а также книгу Ю.В. Мальцева ”Иван Бунин”, автор которой изучал материалы Парижского архива Бунина. Особо выделить мы хотим диссертации Н.Г. Крюковой³ и О.В. Скроботовой⁴ как исследования, посвященные именно дневникам Бунина.

В своей работе Н.Г. Крюкова справедливо замечает, что ранее ”отечественные и зарубежные исследователи жизни и творчества писателя обращались к дневниковым записям писателя в основном для воссоздания хронологически и фактически выверенной биографии писателя”⁵. Предметом изучения в ее работе становится ”проблема типологических связей между бунинскими дневниками, реальными жизненными фактами, отраженными на их страницах, и художественными произведениями И.А. Бунина”⁶. Проведенный Н.Г. Крюковой анализ позволил сделать вывод ”об автобиографичности некоторых произведений, которые ранее таковыми не считались, либо автобиографичность которых лишь предполагалась («В поле», «Последнее свидание»)»⁷, а также говорить об используемых Буниным ”принципах типизации”⁸, с помощью которых писатель, ”надстраивая над реальным дневниковым фактом систему художественных образов”⁹, создавал свои произведения.

Диссертация О.В. Скроботовой посвящена ”изучению «внехудожественного» творчества И.А. Бунина 1917-1923 годов, многообразия его жанров и тем, его художественных особенностей”¹⁰. Исследуя в своей работе дневниковые записи Бунина и публицистические произведения Бунина (книгу ”Окаянные дни”, написанную в форме дневника, а также лекции, статьи, очерки и речи), хронологически входящие в рассматриваемый ею период, О.В. Скроботова отмечает: ”Дневник во многом объединяет ху-

¹ Шемякина М.К. Человек и мир в дневниках И.А. Бунина и М.М. Пришвина: Дисс. ... канд. фил. наук / БГУ. – Белгород, 2004. (Далее в тексте: Шемякина М.К. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

² Шемякина М.К. Указ. дисс. С. 11.

³ Крюкова Н.Г. Дневники И.А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя: Дисс. ... канд. фил. наук / ЕГУ. – Елец, 2000.

⁴ Скроботова О.В. Жанрово-тематическое многообразие ”внехудожественного” творчества И.А. Бунина 1917-1923 годов: дневники, публицистика: Дисс. ... канд. фил. наук / ЕГУ. – Елец, 2006. (Далее в тексте: Скроботова О.В. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

⁵ Крюкова Н.Г. Указ. автореф. С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Скроботова О.В. Автореф. указ. дисс. [Электрон. ресурс]. С. 4.

дожественное творчество и публицистику Бунина в период эмиграции”¹.

Авторы вышеназванных работ изучают дневники писателя в литературоведческом аспекте, что полностью совпадает с нашей оценкой дневниковой прозы Бунина как неотъемлемой части его литературного наследия. Данная работа, в свою очередь, в новом аспекте рассматривает тематику дневников И.А. Бунина.

2.3. Хронология бунинских записей и их плотность. Вероятные причины отсутствия записей.

Дневники И.А. Бунина охватывают семьдесят три года жизни писателя. Первая запись сделана в отрочестве Бунина:

”1881

В начале августа (мне 10 лет 8 мес.) выдержал экзамен в первый класс елецкой гимназии. С конца августа жизнь с Егорчиком Захаровым (незаконным сыном мелкого помещика Валентина Ник. Рышкова, нашего родственника и соседа по деревне «Озёрки») у мещанина Бякина на Торговой ул. в Ельце. Мы тут «нахлебники» за 15 рубл. с каждого из нас на всем готовом”.

Последняя дневниковая запись выведена рукой Бунина 2 мая 1953 г.:

”Это все-таки поразительно до столбняка! Через некоторое *очень* малое время меня не будет — и дела и судьбы *всего, всего* будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!.. И я только тупо, умом *стараюсь* изумиться, утрашиться!”²

В дневниках есть определенные периоды времени (1895, 1898, 1899, 1900 и 1928 гг.), за которые остались лишь краткие конспекты. Писатель пытается по памяти воссоздать события и их последовательность. Рука выводит:

”В январе в первый раз приехал в Птб. Михайловский, С.Н., Кривенко, Жемчужников”. (1895 г.);

”Весной ездил в Ялту (?), Чехов, Горький, Муся Давыдова и Лопатина.

[...] Летом – в «Затишьи», в имении Цакни. Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью [...]” (1899 г.)

За некоторые годы конспекты чередуются с очень редкими подневными записями

¹ Скроботова О.В. Указ. дисс. С. 142.

² Выделение автора.

(1893-1894, 1896-1897 и 1901-1903 гг.). Итинерарий – так в шутку Бунин называл историю собственной жизни – повествует о прожитом:

”4 ноября – бегство В¹.

Вскоре приехал Евгений². С ним и Юлием в Огневку, Елец, Поповская гостиница.

Я остался в Огн[евке]. До каких пор?” (1894 г.)

”9 апреля я уплыл из Одессы в Константинополь” (1903 г.).

В дневнике за 1907 год, в котором также имеется краткий конспект, количество записей больше (12) и они более пространные, чем за вышеуказанные годы.

Следует подчеркнуть, что в дневниках Бунина отсутствуют записи за несколько периодов времени, которые не просто не были опубликованы, а они именно отсутствуют в архивах Русского архива г. Лидс. Мы условно разобьем их на четыре периода: первый – годы отрочества и молодости, второй – начало писательской карьеры и творческого успеха в России, третий – роман с Галиной Кузнецовой и четвертый – на склоне жизни.

По названным нами периодам времени отсутствуют записи за следующие годы:

I период: 1882-1884, 1887, 1889, 1890 и 1892 гг.

II период: 1904 и 1910 гг.

III период: 1925-1927 гг.

IV период: 1947-1948, 1950 и 1952 гг.

Причинами отсутствия записей за эти годы могли послужить различные жизненные обстоятельства. Рассмотрим некоторые, наиболее вероятные, на наш взгляд, причины за определенные годы.

¹ Это был окончательный разрыв с В.В. Пашенко. [Примечание в книге]. (См.: Устами Буниных. Т. 1. С. 23). Варвара Владимировна Пашенко (1870-1918) – сотрудница ”Орловского вестника”, первая любовь Бунина.

² Второй брат Бунина. [Примечание в книге]. (См.: Устами Буниных. Т. 1. С. 23). Старший брат писателя Бунин Евгений Алексеевич Бунин (1858-1933) был одаренным художником-портретистом. Оставив живопись, занялся земледелием и одно время торговлей, пытаясь безуспешно поправить семью Буниных от разорения. В последние годы работал учителем рисования в школе.

В рассказе ”Гегель, фрак, метель” Бунин говорит о брате: ”В деревне за городом Ефремовом Тульской губернии, в мужицкой полуразрушенной избе, доживал в это время свои последние дни мой старший брат Евгений Алексеевич Бунин. Когда-то у него было небольшое имение которое он после мужицких бунтов в 1905 г. вынужден был продать и купить в Ефремове небольшую усадьбу, дом и сад. И вот стали доходить ко мне в Париж сведения о нем:

– Ты, вероятно, не знаешь, что Евгения Алексеевича выгнали из его дома в Ефремове, теперь он живет в деревне под городом, в мужицкой избе с провалившейся крышей. Зимой изба тонет в сугробах, в щели гнилых стенов несет в метель снегом... Живет тем, что пишет портреты. Недавно написал за пуд гнилой муки портрет Васьки Жохова, бывшего звонаря и босяка. Васька заставили изобразить себя в цилиндре и во фраке, – фрак и цилиндр достались ему при грабеже имения ваших родственников Трухачевских, – и в плисовых шароварах. По плечам, по фракку военные ремни с кольцами...”

Так, в 1910 году, по всей вероятности, самой главной причиной отсутствия записей Бунина за этот год послужила смерть Людмилы Александровны Буниной¹, скончавшейся в июле 1910 г.

Иван Алексеевич, как известно, горячо любил свою мать, которая ”настаивала, чтобы он не присутствовал во время ее кончины, так как всякая смерть на него действовала ужасно, и она это знала, знала, что он с детства боялся ее потерять”².

Одновременно тот год являлся и годом смерти Л.Н. Толстого, которого Бунин, как известно, боготворил³. ”Толстой неизменно живет с нами в наших беседах, в нашей обычной жизни”⁴, – позднее вспоминала Галина Кузнецова, в беседе с которой Бунин так высказался о своем преклонении перед автором ”Войны и мира”:

”Никогда во мне не было восхищения ни перед кем, кроме только Толстого”⁵. В 1910 году Бунин также напряженно работал над второй частью ”Деревни”, что, вероятно, было для него неким спасением от горя. О тех днях Вера Николаевна написала следующие строки:

”Целый месяц Ян нигде не бывает, работает по 14 ч. в сутки. Гулять выходили лишь под вечер в тенистые переулки”.

Рассмотрим другой пример – 1925-1927 гг. Знакомство И.А. Бунина с Галиной Кузнецовой, переросшее в любовный роман, произошло в 1924 году. В мае 1927 года Кузнецова поселяется в доме Буниных в Грассе в роли ученицы знаменитого писателя. Названные три года – первые годы любви, которая, без сомнения, содействовала в начале их отношений всплеску творческих сил Бунина, а впоследствии принесла ему немало страданий. Свидетельством тому служат страницы дневника писателя:

”18. IV. 42. Суб.

[...]

Весен. холод, сумрачная синева гор в облаках – и все тоска, боль воспоминаний о *несчастных* веснах 34, 35 годов, как *отравила она (Г.) мне жизнь – и до сих пор еще отравляет!* 15 лет! [...]

¹ Мать Бунина (урожденная Чубарова), родилась в 1835 г. Принадлежала к дворянскому роду, в свое время владевшему поместьями в Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерниях.

² Бабореко А. К. Указ. соч. С. 143.

³ Одно упоминание имени Толстого магически действует на него. Толстого он боготворит и способен часами говорить о нем. (Цит. по.: Одоевцева И. В. Указ. соч. С. 352).

[...] в глазах Бунина Толстой был не только одним из самых необыкновенных людей, когда-либо живших на свете – он был «божеством» [...] (Цит. по: Бахрах А. Указ. соч. С. 156).

⁴ Кузнецова Г. Н. Указ. соч. С. 75.

⁵ Там же. С. 167.

Бунин не делился подробностями своей личной жизни – это претило его натуре. Подобное поведение всегда вызывало протест в его душе:

”[...] Перечитываю «Любовь в жизни Толстого» Жданова. *Гадко – до чего обнажили себя и муж и жена на счет своей крайней интимности!*” (7. IX. 42)

В одной из бесед с Ириной Одоевцевой, которой посчастливилось общаться с писателем в последние годы его жизни, он так говорил о себе:

”Я пробовал писать о себе правду. Не удавалось. Должно быть, *от душевной застенчивости*. Я ведь болезненно стыдлив, целомудрен и *застенчив внутренне* – хотя никто не верит. Мне как-то стыдно писать о себе правду”¹.

Подтверждением словам писателя служат и строки из воспоминаний его литературного секретаря А. Седых:

”В нем были какая-то *неподдельная стыдливость*, – Бунин *не любил показывать на людях свою обнаженную душу*. Пошлость презирал он во всех ее проявлениях и задыхался от гнева, когда слышал по своему адресу плоские комплименты. [...]”².

Именно по этой причине – чтобы, как говорил Бунин, ”не показываться в одном белье”³ – писатель, по всей видимости, как предположила Милица Грин, и уничтожил свои дневники за 1925, 1926 и 1927 гг. Однако следует сказать, что причиной отсутствия записей в дневнике Бунина за эти годы могло послужить, на наш взгляд, и просто отсутствие внимания автора к их ведению, естественное для него при определенных жизненных обстоятельствах.

Например, говоря о последних годах жизни Бунина, следует учитывать то обстоятельство, что старость писателя была омрачена бедностью и болезнями.

Так, 1947 год начался для писателя с ”повышенной температуры, изнуряющего кашля, вызывающего сердцебиение и кровь, а главное – слабости”⁴. Поэтому ни о каком ведении записей тогда не могло идти и речи. Супруге Ивана Алексеевича также в те дни было не до дневника, так как все заботы о здоровье Бунина легли полностью на ее плечи и отнимали все ее время:

”26 мая.

Первая запись за этот год!

¹ Одоевцева И. В. Указ. соч. С. 381.

² Седых А. И.А. Бунин // Pro et contra. С. 157. [Андрей Седых (псевдоним Я.М. Цвибака) – журналист, писатель. В 1933 году, когда Бунину вручали Нобелевскую премию, был его секретарем и ездил с ним в Стокгольм].

³ Устами Буниных. Т. 2. С. 119.

⁴ Там же. Т. 2. С. 388.

На следующий день после завтрака 29 декабря Ян перестал скрывать, что у него повышенная температура. [...] Новый год мы встречали в постели. [...]"

1948 год, помимо болезней и катастрофической нехватки денег, был омрачен для Бунина, по его словам, "житейским дрязгами"¹. Такими словами обозначил писатель ситуацию, возникшую вследствие его выхода из Союза писателей и журналистов в Париже², почетным членом которого он являлся. К тому времени данное литературное объединение оказывается все более вовлеченным в политику, и его руководство принимает решение удалить из Союза тех писателей, кто принял советское подданство. Единоличный выход Бунина из этой организации, состоявшийся некоторое время спустя, был крайне негативно воспринят остальными ее членами: М.С. Цетлин³ в своем письме, пересланном ею незапечатанным и вследствие этого ставшим достоянием общественности, написала: «Вы ушли в официальном порядке из Союза с теми, кто взяли советские паспорта»⁴. Бунина, которому в тот момент было "не до Союзов и всяких политиканств"⁵, послание Цетлин, вызвавшее бурное обсуждение в кругах русской эмиграции, вывело из равновесия. И хотя позднее она прислала свои объяснения⁶, а также Андрей Седых, Тэффи⁷, Марк Алданов⁸ и другие заступились за писателя, создавшуюся ситуацию это уже не изменило: нападки и споры в газетах длились еще долго.

В 1950 году у Бунина усилилась астма. Записи в дневнике Веры Николаевны за этот год дают представление о состоянии его здоровья:

"11 января.

Ян очень страдает, то у него озноб, то зуд во всем теле. [...]"

"22 августа.

В 4 ч. Симков. Промывал пузырь. Неожиданно пришел Аитов, затем Беля-

¹ Бабореко А.К. Указ. соч. С. 392.

² Основан в июле 1920 г., просуществовал до начала нацистской оккупации Франции и в разные годы объединял в своих рядах преимущественно русских литераторов старшего и среднего поколения: А. Аверченко, М. Цветаева, Б. Лазаревский, Вас. Немирович-Данченко и др. В 1946 г. был воссоздан.

³ Мария Самойловна Цетлин (урожд. Тумаркина, 1882-1976) – известная московская красавица, была моделью портретов Л. Бакста, Д. Риверы, В. Серова, А. Яковлева и С. Чехонина. Доктор философии, член партии эсеров.

⁴ Бабореко А. К. Указ. соч. С. 393.

⁵ Там же. С. 393.

⁶ [...] Вчера письмо от Цетлиной. Длинно и неубедительно оправдывается и извиняется о способе посылки письма. И очень кратко говорит: «по существу же насчет Вашего поступка я продолжаю думать, как и раньше...» [...] Ночь Ян провел плохо. Кашлял. Письмо М. С. его задело и сообщение, что «результат ее письма это письма Зайцева и Веры Алексеевны». [Запись из дневника В.Н. Муромцевой-Буниной от 10 февраля 1948 г.] (Цит. по: Устами Буниных. Т. 2. С. 390).

⁷ Тэффи Надежда Александровна (псевдоним Н.А. Лохвицкой, 1872-1952) – русская писательница и поэтесса, мемуарист.

⁸ Марк Александрович Алданов (1886-1957) – русский прозаик, публицист, философ и химик.

ев. Все трое находят, что операция необходима, как и переливание крови”.

”31 августа.

Сильнейшие боли, почти до крика. [...] готовят к операции. Морфий. [...]”

”4 сентября.

Повезли без четверти девять. Ян был молодцом. [...]”

Редкие записи в дневнике Веры Николаевны за 1952 год – свидетельство продолжавшихся физических мучений писателя:

”1 февраля.

Был болен Ян. Опять хрипы в легких, опять пенициллин. Очень ослабел, задыхается. Сегодня утром плакал, что не успел сделать, что надо. [...] Плакала и я”.

”6 марта.

[...]

Сегодня заболел, опять воспалением легких. [...]”

”С 22 апреля болен Ян. Было и обычное воспаление в легком и колобациллы. [...] С 22 апреля болезнь уже стоила 17.600 фр. [...]”

Различные суммы, упоминаемые Верой Николаевной в своих дневниках, дают представление о горьких днях семьи Буниных, на склоне лет вынужденных обращаться с просьбами о материальной помощи, что доставляло Ивану Алексеевичу немало мучений. Страдала и Вера Николаевна:

”30. III. День Алексея Божьего человека.

[...]

Как сначала было трудно взять и носить чужое платье. А потом понемногу смирилась”. (Запись за 1949 г.)

Таким образом, мы подробно рассмотрели наиболее вероятные причины возникновения ”черных дыр” в сохранившихся на сегодняшний день дневниках писателя за некоторые из перечисленных нами выше лет. На наш взгляд, в случае бунинских записей обе причины, указанные нами ранее, – отсутствие внимания автора дневника к их ведению, естественное для него при определенных жизненных обстоятельствах, и возможное уничтожение им своих записей, – имеют право на существование.

За все остальные годы существуют подневные – правда, иногда и без даты – записи писателя. За определенные годы (1881, 1891, 1913, 1920, 1930, 1937-1939, 1946, 1949 и 1959 гг.) в дневниках встречается лишь одиночная запись. Во все остальные годы автор уделяет свое – пусть иной раз и не столь частое – внимание ведению дневника.

Годами, содержащими наибольшее количество опубликованных записей Бунина, являются следующие:

1917 г. – 75 записей

1922 г. – 45 записей

1940 г. – 91 запись

1941 г. – 119 записей

1942 г. – 61 запись

1943 г. – 40 записей

1944 г. – 56 записей.

По данным, предоставленным Ричардом Дэвисом, в Русском архиве г. Лидс насчитывается 8 бунинских дневниковых записей за 1917 г., 66 записей за 1922 г. и 198 записей за 1941 год. Не все из них были опубликованы в книге "Устами Буниных", а часть из тех записей писателя, что были изданы, были напечатаны не полностью.

Для подробного исследования основных и наиболее устойчивых тем в записях И.А. Бунина в данной работе мы выбираем три периода времени: 1917, 1922 и 1941 гг.

Наш выбор мотивирован двумя причинами.

Во-первых, за 1941 г. имеется самое большое количество опубликованных на сегодняшний день записей из бунинских дневников. Поскольку 1940, 1942 и 1944 гг., занимающие в наших подсчетах второе, четвертое и пятое места по количеству записей, также являются годами Второй мировой войны, то, следовательно, в дневниках за эти годы, по всей вероятности, прослеживается аналогичная тематика. В связи с этим мы выбрали 1917 и 1922 гг., занимающие соответственно третье и шестое места.

Во-вторых, данные периоды времени важны в контексте мировосприятия И.А. Бунина.

В качестве дополнительного источника, подтверждающего выводы следующей главы, привлечены дневниковые записи Н.А. Пушешникова, который имел возможность подолгу общаться со своим знаменитым родственником и записывал произнесенное им уже в своих дневниках.

Дневник Н.А. Пушешникова хранится в г. Орле¹, и записи из него мы используем с согласия Инны Анатольевны Костомаровой, заведующей музеем им. И.А. Бунина, которая подготовила рукописи дневников и любезно предоставила их для данного исследования.

¹ ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456 оф. [ОГЛМТ – Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева].

Глава III. Устойчивые темы записей И.А. Бунина.

Основные темы дневниковой прозы Бунина обусловлены эпохой и событиями биографии самого писателя. Дневник Бунина отражает не только личность автора, но имеет и общественно-историческую ценность как документ, в котором получили свое отражение драматические события двадцатого века.

В рассматриваемые в данной работе периоды времени автор дневника уделяет свое внимание различным темам. Революция, Россия и русский народ, природа, литература и писатели – перечень основных тем, волнующих Бунина в 1917 году. На страницах дневника звучат мотивы быстротечности времени, красоты и очарования земного мира, мотивы прошлого и невозможности отразить окружающий мир во всей его красоте.

Прошлая жизнь в России, русские эмигранты за границей, русский народ, природа, литература и писатели являются главными темами бунинской дневниковой прозы в 1922 г., страницы которой пронизаны мотивами прошлого, боязни писательской несостоятельности и неудовлетворенности написанным, лжи, обмана и тоски, счастья, быстротечности времени.

Война, бедность существования, природа, а также литература и писатели – перечень основных тем, затронутых в дневнике в 1941 г. Мотивы одиночества, жизни как сплошного ожидания чего-либо, красоты и очарования земного мира, тоски и страха смерти отчетливо звучат в строках, выведенных рукой писателя на склоне лет.

В результате анализа тем и мотивов¹, присутствующих в записях Бунина за вышеуказанные периоды времени, нами выделены *природа, литература и социальный мир* как три наиболее устойчивые темы дневниковой прозы Бунина.

¹ В данной работе ключевое значение имеет принцип анализа дневникового текста в его единстве и целостности. Под *мотивом* мы понимаем "смысловой элемент текста" [Силантьев И.В. 1999]. Как и любой элемент, он образует различные комбинации с подобными себе. О таких сочетаниях (или "комплексах мотивов" [Тамарченко Н.Д. 2004: 121]) в тексте, который Б.М. Гаспаров метафорически уподобляет "семантической камере", вышеназванным исследователем сказано: "Происходит тотальная фузия смыслов, в результате которой каждый отдельный компонент вступает в такие связи, поворачивается такими сторонами, обнаруживает такие потенциалы значения и смысловых ассоциаций, которых он не имел вне и до этого процесса" [Заика В.И. 2006: 303]. *Мотивы* (по Гаспарову, некие «смысловые "пятна"»), видоизменяясь и сочетаясь с другими "пятнами"-мотивами, срастаясь с ними, образуют как мельчайшие частные *темы*, так и более обширные. В многомерном смысловом пространстве все *темы* представляют собой смысловые образования, которые в данном исследовании получили название *смысловых сфер*. Смысловые сферы, присутствующие в пространстве бунинских дневников в каждый из трех периодов времени, выбранных в данном исследовании, далее в работе мы будем называть *устойчивыми темами*.

Подчеркнем, что в современном литературоведении "отношения темы и мотива далеко не прояснены" [Силантьев И.В. 1999]. При этом исследователями указывается, что "самое понятие и феномен темы

Одновременно отметим, что вышеперечисленные темы не исчерпывают всего тематического многообразия дневников писателя за все годы его жизни.

Как мы указывали ранее, содержание бунинских записей рассматривается нами как единый текст, который подобен тексту художественного произведения, являющему собой ”феномен индивидуального творчества, неповторимый продукт речемыслительной деятельности автора ... многомерное смысловое пространство”¹. В этом пространстве, по определению Е.И. Дибровой, ”воплощается психология автора (его потребности, мотивы, целеустановки, намерения, способности)... получает свое реальное выражение уникальное явление человеческого сознания – язык, который через системно-функциональные, семантико-семиологические, стилевые, стилистические и иные организации эксплицирует национальную и индивидуально-лингвистическую концептуальную картину мира”².

Для всего корпуса исследуемых дневников Бунина характерно деление большинства подневных записей на фрагменты. Отдельно рассмотренная дневниковая (подневная) запись в бунинском дневнике может представлять собой:

1) один фрагмент (равный абзацу), посвященный определенной теме, например, теме природы или социальному миру:

”12 сентября. Очень холодно. Кажется, вчера утром – косые космы пухлых низких облаков грязно-лиловатых, северных, морских по западному горизонту (утром часов в восемь). Среди дня много солнечных моментов, но ветер, прохладно. К вечеру очень холодно – в пору полушубок. Луна уже три четверти”. (1917 г.)

”5/18

Ездил с Мережковск. на мольеровский банкет [...] Все во фраках, только мы нет, хуже всех. Речь Мережк. была лучше всех других, но не к месту серьезна. И плохо слушали, – что им мы, несчастн. русские!” (январь 1922 г.)

находится в тесной взаимосвязи с понятием и феноменом мотива” [Силантьев И.В. 1999].

Отметим, что в отличие от мотива – ”устойчивого семантического элемента художественного текста, выраженного в слове” [Доманский Ю.В. 2001: 24], – тема, по определению Я. Зунделовича, ”сама по себе остается внешне невыявленной, образуя мысленный центр, вокруг которого все располагается, но который не закреплен ни в одной отдельной фразе”. [Зунделович Я. Тема [Электрон. ресурс] // Литер. Энци.: Слов. литер. терминов].

¹Фокина М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX-XX веков: Автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. – Орел, 2008. – С. 3.

²Комирная Н.Ю. Художественная концепция судьбы в донских рассказах М.А. Шолохова: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОПУ. – М., 2005. – С. 8.

2) два и более фрагмента, состоящие из абзацев, количество которых соответствует количеству фрагментов. Часть фрагментов в таких подневных записях может быть посвящена одной и той же теме. Такова, к примеру, следующая запись, в которой два из четырех фрагментов являются описаниями природы:

”2. IV. 41.

Солнце, довольно слабое, облака.

Начал еще раз перечитывать «Темные аллеи». Перечитал и кое-где почеркал весь первый отдел.

В пятом часу чуть не час гроза: фиолетовое с белым полированным блестящим мелькание, затем, через неск. секунд, удары с затяжкой, разрывы, тяжкий стук, дребезг стекол и раскаты с одной стороны неба на другую, отходящее шипение.

12 тысяч немцев с танками в пр. в Финляндии – это в швейц. газете – будто бы идут на отдых из Норвегии. Предостережение Сталину? В пять минут возьмем Птб., ежели ты...?”

3) два и более фрагмента, состоящие из абзацев, количество которых отличается от количества фрагментов. Так, к примеру, подневная запись от 3 августа 1917 г. состоит из четырех фрагментов и трех абзацев, в последнем из которых объединены две темы – природы и социального мира:

”Снова прекрасный день, ветер все с востока, приятно прохладный в тени. На солнце зной. Дальние местности в зеленовато-голубом тумане, сухом, тончайшем.

Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмеявшийся без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

В саду по утрам, в росистом саду уже стоит синий эфир, сквозь который столбы ослепительного солнца. До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые. Коля, Юлий, я ездили в Кочуево к Ф[едору] Д[митриевичу] за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое необы-

валое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами¹, Данами², каким-то Авксентьевым³, каким-то Керенским⁴ и т. д.!”

Опираясь на точку зрения Е.Г. Новиковой о том, что ”связанность отдельных записей в целостный дневниковый текст”⁵ достигается с помощью ”вертикальных связей, которые формируют глубинную структуру текста, обеспечивают интеграцию⁶ его частей”⁷, отметим, что в дневнике Бунина вышеупомянутые вертикальные связи проявляются в чередовании фрагментов, содержащих как описания природы, так и литературного и социального миров. Говоря другими словами, в многомерном смысловом пространстве бунинских дневников 1917, 1922 и 1941 гг. наблюдается соотнесенность между тремя смысловыми сферами – *природой, социальным и литературным мирами*. При этом динамика чередования фрагментов записей, являющаяся прямым отражением взаимодействия смысловых сфер, различается в зависимости от того, между какими двумя сферами происходит переход. В этой связи рассмотрим ее подробнее.

Наиболее частое следование друг за другом фрагментов, посвященных *природе* и *литературе*, мы наблюдаем в подневных записях писателя за 1917 г. (от 2 и 3, 15 и 16, 21 и 23 августа, от 9 и 17 сентября, от 4 октября и др.). В дневниках за 1922 и 1941 гг. подобное ”соседство” наблюдается редко. Примером столь нечастого следования вышеназванных фрагментов друг за другом служат мартовские записи за 1922 г (подневная запись от 18 марта (полностью) и первый абзац подневной записи от 19 марта) или подневная запись от 5 декабря 1941 г. (два начальных абзаца).

Мы могли бы предположить, что причиной редкого ”соседства” фрагментов, описывающих *природу* и *литературный мир* в бунинском дневнике за 1922 г., может служить столь же небольшое количество самих описаний природы, что объясняется изменением жизненных условий писателя, по большей части созерцавшего в тот год городские пейзажи. Но данное предположение не подтверждается дневниковыми записями

¹ Гоц А. Р. (1882-1940?) – член ЦК партии эсеров, в 1917 г. вошел в первый состав президиума ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. В 1922 г. осужден советским судом за контрреволюционную деятельность; был амнистирован, позднее погиб во время сталинских репрессий.

² Дан (Гурвич) Ф. И. (1871-1947) – один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета. В 1922 г. в числе других руководителей меньшевистской партии выслан за границу.

³ Авксентьев Н. Д. (1878-1943) – один из лидеров партии эсеров; министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве Керенского. В 1918 г. выслан по приказу Колчака ”за революционную пропаганду” за границу.

⁴ Керенский А. Ф. (1881-1970) – один из лидеров партии эсеров, глава Временного правительства и верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал. В Париже неоднократно встречался с Буниным.

⁵ Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 109.

⁶ Интеграция – это объединение всех частей текста в целях достижения его целостности. (Гальперин, 1981, с. 124-125). [Цит. по: Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 109-110].

⁷ Новикова Е.Г. Указ. дисс. С. 109.

писателя за 1941 г., в которых, в отличие от 1922 г., имеется большое количество описаний природы, а фрагменты, раскрывающие темы природы и литературы, следуют друг за другом так же редко.

Поэтому, на наш взгляд, в целом редкое следование друг за другом фрагментов записей – описаний *природы* и *литературного мира* – можно трактовать как отсутствие ”противостояния” двух этих важных смысловых сфер в едином смысловом пространстве бунинских дневников 1917, 1922 и 1941 гг., что, соответственно, говорит о непротивопоставлении писателем вышеназванных смысловых сфер. В свою очередь, можно предположить, что частое ”соседство” определенных фрагментов можно трактовать как ”конфронтацию” соответствующих сфер и, соответственно, их противопоставлении автором дневника.

Нечасто, но на протяжении всех трех рассматриваемых периодов времени, следуют друг за другом в записях писателя фрагменты, посвященные *социальному миру* и *миру литературы*. Так, к примеру, наблюдается чередование фрагментов, раскрывающих темы литературы и социального мира, в бунинских записях осени 1917 г. (от 2, 13 и 20 августа, от 15 сентября), в следующих друг за другом октябрьских записях 1922 г. (последний абзац подневной записи от 3 октября и подневная запись от 22 октября (полностью)), а также в подневных записи от 5 и 7 сентября 1941 г.

На наш взгляд, в целом редкое для единого текста бунинских дневников за 1917, 1922 и 1941 гг. соседствующее присутствие фрагментов, раскрывающих темы *социального мира* и *литературы*, говорит, как и в случае с записями о природе и литературе, об отсутствии противопоставления писателем двух этих смысловых сфер.

Очень часто следуют друг за другом в исследуемых записях фрагменты, содержащие описания *природы* и *социального мира*, что говорит о подавляющем большинстве переходов именно между *природой* и *социальным миром* – двумя смысловыми сферами в пространстве бунинских дневников 1917, 1922 и 1941 гг.

Рассмотрев динамику чередования фрагментов, перейдем к подробному анализу записей, раскрывающих три устойчивые темы дневников И.А. Бунина.

3.1. Литература в дневниковых записях И.А. Бунина

В дневнике Веры Николаевны Муромцевой-Буниной есть запись:

”Как-то он говорил о трагичности своей судьбы. Принадлежа по рождению

к одному классу, он в силу бедности и судьбы, воспитался в другой среде, с которой не мог как следует слиться, так как многое, даже в ранней молодости, его отталкивало. Поэтому *ему очень трудно писать так, как хотелось бы*”.
(19 марта/1 апреля)¹

Так в наблюдениях за супругом, готовящим материал для своих будущих статей, Вера Николаевна коснулась очень важного момента – бунинской ”неудовлетворенности традиционными формами повествования”². Подтверждением этому чувству служат слова самого писателя, приведенные в дневнике Пушешникова:

”[...] *Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами. [...] В сущности говоря, все литературные приемы надо послать к черту!* Пусть критики едят за это сколько угодно. Иначе никогда ничего путного не напишешь. Может быть, к старости я что-нибудь путное напишу. [...]”³.

Как пишет о конце 90-х – начале девятисотых годов Ю.С. Мальцев, неудовлетворенность испытывали ”тогда все большие писатели, включая Толстого”⁴, который в собственном дневнике записал: ”Напрашивается то, чтобы *писать вне всякой формы*”⁵. По мнению Бунина, и ”Чехов в своих лучших вещах стал менять форму”⁶. Отметим, что и сам писатель, высказывающий мнение о творчестве друга и собрата по перу, чутко прислушивался к автору ”Дамы с собачкой”, о чем свидетельствует запись в дневнике Бунина за 1902 г.:

”31 янв. Чехов кому-то: «Осенью» Бунина *написано несвободно...*”.

В действительности, как пишет Ю.С. Мальцев, Бунин стремился ”найти безыскусный прямой способ выражения своего внутреннего опыта”⁷, на что ”указывают многие его черновики”⁸, а также воспоминания близких ему людей. Подтверждением поиска писателем некоего свободного жанра в литературе служит и выдержка из ”Грасского дневника” Галины Кузнецовой, датированная 7 февраля 1928 г.:

”[...] Весь обратный путь мы говорили о романе, *о том, как можно было бы писать его кусками, новым приемом*, пытаюсь изобразить то состояние мысли, в котором сливаются настоящее и прошедшее, и живешь и в том и в

¹ Запись за 1919 г.

² Мальцев Ю.С. Указ. соч. С. 103.

³ Бабореко А.К. Указ. соч. С. 169.

⁴ Мальцев Ю.С. Указ. соч. С. 103.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Бабореко А.К. Указ. соч. С. 170.

⁷ Мальцев Ю.С. Указ. соч. С. 104.

⁸ Там же. С. 104.

другом одновременно”.

”В нашем ремесле ужасно то, что ум возвращается *на старые дороги...*”¹, – сетует он в разговоре с племянником, обсуждая с которым русскую литературу, дает ей следующую оценку:

”[...] В сущности говоря, со времени Пушкина и Лермонтова литературное мастерство не пошло вперед. Были внесены новые темы, новые чувства и проч., но самое *литературное искусство не двинулось*. [...]”².

Возможно, страдание, приносимое Бунину ”условностью литературной формы”³, находит некое освобождение в его дневниковой прозе, которой писатель дает высокую оценку, о чем говорит следующая запись:

”[...] *дневник одна из самых прекрасных литературных форм*. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие”. (23. II.16)

На это указывает и тот факт, что Бунин, не раз за свою жизнь переписывающий собственные дневники, ”не исключил нелестные для себя записи”⁴, что, как верно отмечает В.С. Казакевич, говорит о ”безжалостной откровенности”⁵, в которой ”есть особая свобода”⁶.

Многие из подневных записей в бунинском дневнике посвящены литературному миру. Рассмотрим их подробнее.

1917 год

За данный год насчитывается 29 подневных записей Бунина, включающих в себя заметки о прочитанных книгах, размышления автора дневника как о собственном, так и о творчестве других писателей; общее количество опубликованных записей – 75.

На этих страницах Бунин выступает в роли очень активного читателя, подтверждением чему служат, к примеру, августовские записи:

”[...] Читал Мопассана, потом Масперо о Египте, – волновался, грезил, думая о путешествии Бауку в Финикию, потом читал Вернон Ли и думал о Неаполе, Капри, вспоминал Флоренцию”. (16 августа)

”[...] Начал читать Н. Львову – ужасно. Жалкая и бездарная провинциаль-

¹ Пушешников Н. А. Дневник. [Запись от 1 октября 1917 г.].

² Бабореко А.К. Указ. соч. С. 169-170.

³ Мальцев Ю.С. Указ. соч. С. 104.

⁴ Казакевич В.С. Указ. соч. С. 291.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 291.

ная девица. Начал перечитывать «Минеральные воды» Эртеля¹ – ужасно! Смесь Тургенева, Боборыкина, даже Немировича-Данченко и порою Чирикова. Вечная ирония над героями, язык пошленький. Перечитал «Жестокие рассказы» Вилье де Лиль Адана. [...]». (22 августа).

Как мы видим, Бунин является усердным и деятельным читателем произведений других литераторов. Следует отметить, что из 22-х критических заметок, имеющих в записях 1917 г., лишь одна является «нейтральной»:

«Читал (и нынче читаю) «Завоевание Иерусалима» Гарри. [...]». (20 августа). В остальных окололитературных заметках, при наличии нескольких положительных оценок, из которых чаще других встречается лексема *хороший* и производные от нее (4), преобладают негативные оценки. Из них наиболее часто встречаются три оценочные лексемы, одновременное присутствие которых в записях с другими отрицательными лексемами позволяет, на наш взгляд, говорить о требованиях, предъявляемых Буниным к литературным произведениям.

Первой из наиболее часто встречающихся отрицательных лексем в записях 1917 г. является лексема *мертвый* и ее производные (5). Обратим внимание на одновременное присутствие с ней и полярных по значению лексем *живой* - *неживой*. Так, в записи от 26 августа за счет присутствия словосочетаний, содержащих контрастные лексемы (лексема *мертво* и лексема *живой*) достигается усиление отрицательной оценки:

«Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, *ни одного живого слова, мертво вбиты* в тупые вирши разные выдумки. Поэтической природы в ней ни на йоту».

В записи от 14 августа акцент отрицательной оценки, переданный лексемой *неживой*, падает на характеристику героя произведения:

«Кончил «Наше сердце». [...] Герой совсем *не живой* и не заражает сочувствием, героиня видна, но тоже как будто *неживая*».

В записи от 20 октября отрицательная оценка произведения Эртеля выражена лексемами *литературно* и *лживо*. Неудовлетворенность от прочтения Салтыкова-Щедрина автор дневника также выражает, используя лексему *литературность*:

«Понемножку читал эти дни «Село Степанчиково». [...] Пошлейшая болтовня, лубочная в своей *литературности!* [...]»(8 октября).

Частое употребление лексемы *мертвый* и ее производных в совокупности со все-

¹ Эртель Александр Иванович (1855-1908) – русский писатель. Автор романов «Две пары», «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» и др.

ми вышеуказанными отрицательными оценочными лексемами (*литературно, лживо, живой, неживой*) говорит о неприятии Буниным искусственности в литературе. Подтверждением этому служат и строки из дневника Пушешникова, делясь с которым впечатлением от прочитанного, писатель дает схожую оценку:

”А. Бел[ый] – это какое-то исчадие книжности! [...] Он не может сказать ни единого простого человеческого слова! Все у него *надуманное, мертвое, книжное!* Мурик, пчела, облако, гумно... *Ни одного живого слова.* [...]”¹

Отметим здесь совпадение точек зрения в рассуждениях автора дневника, стремящегося отразить правдивые, ненадуманые чувства, и другого литератора – Блока, который также в 1910-х гг. записал в свой дневник: ”О модернистах я боюсь, что у них нет стержня, а только – *талантливые завитки вокруг пустоты*”².

Двумя следующими отрицательными лексемами, чаще других используемыми автором дневника, являются лексема *пошлый* и производные от нее (4), а также лексема *долго* (3):

”Понемногу читаю «Леонардо да Винчи» Мережковского. Ужасный «народился» разговор. *Долго, мертво, натащено* из книг. [...]” (13 октября);

”Все читаю Фета (море *пошлого, слабого, одно и то же*) [...]” (4 октября)

Частое появление данных оценочных лексем в дневнике говорит, на наш взгляд, о неприятии Буниным пошлости в литературе и о его стремлении к краткости, поскольку именно длинноты являются, на взгляд автора дневника, недостатками читаемых им произведений.

Как мы видим, вышеприведенные эпитеты, которыми автор дневника наделяет некоторых известных литераторов того времени и их произведения, имеют ярко выраженную негативную окраску. Заметим, что нелестной бунинской оценки Бунин мог удостоиться и писатель, авторитет которого для Бунина был непререкаем:

”[...] Дочитываю «Каренину». Последняя часть *слаба, даже неприятна немногo; и неубедительна.* Помнится, и раньше испытывал то же к этой части. [...]” (16 сентября)

Но Бунин сомневается в правоте собственного, устоявшегося мнения и пишет позднее:

”11 1/2 ч. дня. Дочитал «Каренину». *Самый конец прекрасно написан. Может быть, я ошибаюсь насчет этой части. Может быть, она особенно*

¹ Пушешников Н.А. Дневник. [Запись от 5 июля 1917 г., Глотова].

² Блок А. Дневник. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 140. [Запись от 11 октября 1912 г.].

хороша, только особенно проста?» (17 сентября)

Автору дневника не свойственна закостенелость взглядов, что подтверждает и другая дневниковая запись:

”Перечитывал Мопассана. *Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз.* [...]” (2 августа).

Многие другие его оценки позволяют сделать вывод о Бунине как о вдумчивом и требовательном критике, готовом как с радостью оценить подлинный талант так и не обойти своим вниманием слабые места:

”Все читаю Мопассана. *Почти сплошь – пустяки, наброски, порой пошло*”.
(20 августа).

”Читал Минского. Прочел сорок восемь страниц. *Ужасная риторика!*”
(15 сентября).

”Читаю Минского. *Есть хорошее.* Все же у него была душевная жизнь”.
(16 сентября)

В дневниках мы наблюдаем неразрывную в глазах автора дневника связь личности творца с его произведениями. Как в свое время другой знаменитый русский писатель – Н.М. Карамзин – наблюдая за великими людьми своего времени, в первую очередь ”видел перед собой человека, его жесты и позу”, так и Бунин оценивал писателей по их нравственным и моральным качествам:

”Читал Жемчужникова. Автобиография его. *Какой такт, благородство!*”
(9 сентября)

”Прочел Лескова «На краю света». [...] *Своеобразный, сильный человек!*”
(18 октября).

На страницах дневника мы находим и записи писателя о собственных произведениях (4), в том числе о художественном ”вынашивании” будущих рассказов и размышления о верном отражении русской действительности:

”Засыпая вчера, обдумывал рассказ. Конец 20-х годов, Псковская губерния, приезжает из-за границы молодой помещик, ездит к соседу, влюбляется в дочь. [...]” (15 августа)

”[...] Думал о своей «Деревне». Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку – верь мне, я взял типическое. [...]” (8 октября 1917 г., 11 ч. утра)

Отметим эмоциональность бунинских высказываний и оценок собственного твор-

чества:

”[...] пытаюсь писать стихи. *Убожество* выходит! [...]” (4 октября).

” [...] И еще – совсем отупела, пуста душа, нечего сказать, не пишу ничего, пытаюсь – *ремесло, и даже жалкое, мертвое*”. (2 октября).

Писатель называл занятие литературой ”Голгофой”¹: ”непрерывное искание звуков и сочетаний слов”² его утомляло, о чем он сетовал в разговоре с племянником:

”[...] Но какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство! Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертываю фразу на другой лад, получается пошлость, изменяю по-другому – чувствую, что опять не то, что так пишет Амфитеатров или Брешко-Брешковский. Многие слова – а их невероятно много – я никогда не употребляю, слова самые обыденные... Не могу. Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками написать всего несколько строк. [...]”³.

Поэтому присутствие на страницах дневника размышлений писателя о плагиате в литературе не удивительно, поскольку автор дневника, известный своим трепетным и чутким отношением к слову, отличал так называемые ”сомнительные словесные выражения”⁴:

”Читал отрывки из Ницше – как его *обворовывают* Андреев, Бальмонт и т. д. Рассказ Чулкова «Дама со змеей». Мерзкая смесь Гамсуна, Чехова и собственной глупости и бездарности. Как Сибирь, так «паузка», «пали» и т. д., еще «заимка»...” (21 октября)

Не обходятся дневники и без литературных ”зарисовок”:

”Поехали домой – встретили на выгоне барышню и господина из усадьбы Комаровских. Он весь расхлябанный по-интеллигентски: болтаются штаны желтоватого цвета, кажется, в сандалиях, широкий пояс, рубаха, мягкая шляпа, спущены поля, усы, борода – *à la художник*”. (8 августа)

Бунинские ”рисунки пером”⁵, по меткой характеристике В.П. Ковалева, сочетаются в дневнике с внимательной фиксацией необычных оборотов народной речи:

”[...] Приехал Абакумов, привез бумаги на свои владения, все твердил, что его земля закреплена за ним, *«остолблена его величеством»*. Думал, что член-

¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 183.

² Пушешников Н.А. Дневники. [Запись за январь 1912 г.].

³ Бабореко А.К. Указ. соч. С. 169.

⁴ Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин // Pro et contra. С. 92.

⁵ Ковалев В.П. Бунинские рисунки пером // Русская речь. – № 3. – С. 22-29.

ские взносы пойдут на «аблаката» (долженствующего защищать интересы земельных собственников)”. (1 августа, Глотова¹)

Именно по этой причине Бунин – знаток крестьянской речи, собравший и записавший ”около одиннадцати тысяч (!) народных прибауток, частушек, поговорок, речений и т. п.”², – имел право высказать нелестную оценку:

”Читаю «Волхонскую барышню» Эртеля. *Плохо. Мужсицкий язык по частностям верен, но в общем построен литературно, лживо.* И потом, эта тележка, ныряющая по грязи, лукавая пристяжная, и заспанный мальчик,ковыряющий в носу... Никогда не скажет: «надел пальто», а всегда – «облачившись в пальто»”. (20 октября).

1922 г.

За вышеуказанный год насчитывается 17 подневных записей Бунина, включающих в себя заметки о прочитанных книгах и размышления автора дневника о литературном творчестве; общее количество опубликованных записей – 45. Следует при этом сказать, что мы не включаем в этот список подневную запись, в которой идет речь лишь о знакомстве с Висенте Бласко Ибаньесом³.

По сравнению с 1917 г. количество подневных записей, в которых автор выступает в виде критика произведений других писателей, значительно меньше (4), и все они содержат отрицательную оценку:

”[...] На ночь читал Белого «Петербург». *Ничтожно, претенциозно и гадко*”. (8 апреля).

”Читаю Блока – какой *утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью* и какой-то *кощунственный*. [...]”. (20 Сент./ 3 Окт. 22 г. Шато Нуарэ, Амбуаз).

Отметим, что лексема *пошлый* помимо вышеуказанной записи также присутствует

¹ Глотова – деревня под г. Елец Орловской губернии, в которой находилась усадьба Васильевское, где Бунин часто бывал в детстве и юности. Хозяйкой Васильевского была двоюродная сестра писателя Софья Николаевна Пушешникова. После продажи в 1893 г. дома Буниных в Озерках (имения Чубаровой, бабушки писателя) Бунин постоянно приезжал сюда (с 1907 г. – с Верой Николаевной), нередко жил месяцами, много работал. В имении для писателя и его супруги были отведены две комнаты. (См.: Рышков В.В. Рядом с Буниным. [Электрон. ресурс]).

² Мальцев Ю.В. Указ. соч. С. 38.

³ ”[...] Знакомство с Бласко Ибаньесом. Купил и занес ему свою книгу”. [Запись от 14 января]. (Бласко Ибаньес (Vicente Blasco Ibañez, 1867-1928) – испанский писатель, автор ”Los muertos mandan” (“Мертвые повелевают”), ”Entre Naranjos” (“В апельсиновых садах”), ”Sangre y arena” (“Кровь и песок”) и др.)

в подневной записи от 11 марта.

Негодование вызывает у автора дневника репертуар МХАТа, находящегося в те дни на гастролях в Париже, которому Бунин дает эмоциональные, нелестные оценки:

”[...] И опять «На дне» и «Вишневый сад». И никому-то даже и в голову не приходит, что этот «Сад» самое плохое произведение Чехова, *олеография*, а «На дне» — *верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки*, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, верх бесстыдства. [...]” (20 Сент./3 Окт. 22 г. Шато Нуарэ, Амбуаз).

Оценки личностей писателей, разнообразные по своим характеристикам, присутствуют в 3 подневных записях:

”[...] Обедали у Ландау с Куприным. Куприн *жалок и нищенской одеждой и общим падением*”. (16 ф./11 марта)

”[...] Познакомился с Дионео¹ [...] *Понравился*”. (11/24 февраля)

Значимо большую часть по сравнению с 1917 г. – 6 подневных записей – включают в себя яркие разнохарактерные портретные ”наброски”:

”Вечером у Мережковских с Клодом Фаррером и его женой, Роджерс. Хвалили меня Фарреры ужасно. Сам особенно: вскочил, уступая мне свое кресло, усаживал, «*cher maître*»... Большой, седой, волосы серебр., а местами золотые, голос довольно тонкий, живость, жестикуляция чрезмерная (говорят, кокаинист). [...]” (9 мая)

В двух записях бунинский ”эскиз” выполнен лишь парой ”мазков”:

”[...] В 5 – лекция Жида о Дост[оевском]. [...] Жид не похож на художника, — *пастор какой-то*. Познакомились [...]” (18 марта)

”В посольстве доклад генерала Лохвицкого, приехавшего из Владивостока. *Барская фигура* Гирса”. (10 Апреля)

Количество подневных записей, в которых присутствуют размышления автора дневника о собственном творчестве, по сравнению с записями 1917 г. не меняется (4).

В одной из них Бунин дает оценку написанному:

”[...] Все, что писал эти дни, – «Безымянные записки»², – *противно, чепу-*

¹ Шкловский Исаак Владимирович (1865-1935) – русский публицист, критик и этнограф, известный под псевдонимом Дионео. С 1896 г. жил и работал в Лондоне в качестве корреспондента газеты ”Русские ведомости» и журнала ”Русское богатство”.

² Публикуя в 1966 году автографы Бунина, Л.Ф. Зуров писал: ”Все убеждены, что И.А. Бунин начал писать «Жизнь Арсеньева» в Грассе, в 1927 году, но первые наброски романа, которые я, разбирая архив

ха". (25 февраля)

Бунин, по признаниям современников, "к произведениям своим всегда относился крайне строго"¹ и отличался "самоиспепеляющей требовательностью"². Недовольство своими произведениями, заставляющее писателя думать, что он, как Бунин говорил своему племяннику, "износился, изветошел"³, созвучно в эти дни другому чувству, о котором Бунин записывает 14 января:

"Со страхом начал эти записи. Все *страх своей непрочности*. Проживешь ли этот год?"

В 3-х подневных записях звучат одновременно два мотива – о "промелькнувшей жизни"⁴, причиной которой послужила смерть любимого брата Юлия, и о возможной творческой несостоятельности:

"[...] Заснул поздно, читал «Палату ном. б». Волнение, – очень нравится, – мучительное желание и себе писать, и чувство, что ничего не могу, что я полный банкрот – и что вот-вот откроется эта тайна. И тоска, тоска, и мысль, что теперь каждый день дорог, что старость уже на пороге, – да, уже форм [енная] старость". (18 марта).

Следует сказать, что в записях этого года, как и в 1917 г., отражена неразрывная в глазах автора дневника связь личности творца с его произведениями:

"Тот, кто называется «поэт», должен быть чувствуем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю – он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки. [...]" (9/22 окт.)

Отметим, что Л.Н. Толстой по-прежнему присутствует в дневниковых записях:

"По ночам *читаю биограф. Толстого*, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки. Все мысль: «А я вот пропадаю, ничего не делаю». [...]" (10/23 января)

Личность автора "Войны и мира", как мы видим, вызывает неизменные интерес и

Ивана Алексеевича, недавно обнаружил, были написаны в Париже в 1921 году. Эти автографы озаглавлены «Безымянные записки» и «Книга моей жизни». [...]" (Цит. по: Рябова С.Г. Слово, творящее мир. Феноменология цвета, воздуха, перспективы в романе «Жизнь Арсеньева». // Вестник ИГЛУ, 2008, № 3. С. 57).

¹ Телешов Н.А. Записки писателя / Pro et contra. С. 96.

² Смирнова Л.С. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество. С. 184.

³ Пушешников Н.А. Дневник. [Запись 1911/1912 г., Капри].

⁴ Устами Буниных. Т. 2. С. 61.

уважение у Бунина. Автор дневника любил цитировать¹ Толстого и именно о нем говорил: "Как всегда – я это твержу постоянно – в искусстве не лгал только один Толстой"².

1941 год

За данный год насчитывается 31 подневная запись Бунина, в которых имеются заметки о прочитанных произведениях, размышления автора дневника о литературном творчестве; общее количество опубликованных записей – 119.

На страницах дневника этого года, как и в 1917 г., Бунин предстает очень активным, внимательным и самостоятельно мыслящим читателем. Следует указать, что по сравнению с записями предыдущих лет критические замечания автора дневника, высказанные им при прочтении произведений других авторов и содержащиеся в 24 подневных записях, отличаются разнообразной палитрой:

"Китайские рассказы Pearl Buck³. Прочел первый. *Очень приятно, благородно*". (5. IX. 41. Пятн.)

"Недели 2 т.н. перечитал три романа Мориака⁴. *Разочарование*". (19. X. 41. Воскр.)

"Читал (перечитывал) эти дни Бруссона⁵ «A. France en pantoufles» – *много интересного, но много и скучной болтовни*". (29. X. 41. Среда.)

Следует указать на то, что на фоне 8 подневных записей, содержащих одни отрицательные оценки, лишь 4 из подневных записей содержат сугубо положительные, большая часть (9 подневных записей) включает в себя критические заметки с оценочными лексемами как положительной, так и отрицательной направленности:

"Вчера кончил перечитывать «Обломова». *Длинно, но хорошо* (почти все), несравненно с «Обрывом». [...]" (18. X. 41.)

Наличие лексемы *пошлый* и производной от нее (2), а также частое употребление Буниным лексем *длинно* и *длинный* (4) говорят о неменяющихся с годами неприятии

¹ Едем с И.А. в Ефр[емов]. [...] Остановка. Пили коньяк. [...] И.А. сказала обычную фразу: «Стало тихо, тепло и весело» (из «Хоз[яина] и раб[отника] Тол[стого]). (Цит. по: Пушешников Н.А. Дневник. Запись от 10 октября 1917 г.).

² Бабореко А.К. Указ. соч. С. 193.

³ Pearl Sydenstricker Buck (1892-1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (1938). Автор романов "The God Earth", "Mother", сборников рассказов "The First Wife and Other stories", "Today and Forever: Stories of China" и др.

⁴ Франсуа Мориак (1885-1970) – французский романист, драматург и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1952). Автор романов "Le Baiser au lépreux" ("Поцелуй, дарованный прокаженному"), "Genitrix" ("Родительница"), "Le Desert de l'amour" ("Пустыня любви") и др.

⁵ Жан-Жак Бруссон (Jean-Jacques Brousson) – секретарь французского писателя Анатоля Франса, автор книги воспоминаний "Anatole France en pantoufles" ("Анатоль Франс в туфлях и халате").

автором пошлости и стремлении к краткости, нашедших свое отражение в авторских оценках работ других литераторов:

”Кончил «Обрыв». *Нестерпимо длинно, устарело. Кое-что не плохо*”
(28. IX. 41)

Отметим, что в критических заметках данного года появляется новая по сравнению с записями предыдущих годов отрицательная оценка – лексема *скучный* и ее производные (5):

”Кончил «La porte étroite» Gide’a. Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, *скучнейшее*, совершенно невразумительное.[...]”
(12. 8. 41)

Наиболее часто встречающейся положительной оценкой является краткая форма адъективной лексемы *талантливый* (3):

”Перечитывал «Петра» А. Толстого вчера на ночь. *Очень талантлив!*”
(3. I. 41.)

Автор дневника все также внимателен и чуток к родному языку, только теперь вместо необычных оборотов народной речи он фиксирует особенности стиля других писателей:

”«Москва под ударом» Белого: – За сквером просером пылел тротуар... – Там алашали... – Пхамкал, и пхымкал... – Протух в мерзи... – Рукач и глупач... И так написана вся книга”. (12. 8. 41.)

”Читал 1 книгу «Тихого Дона» Шолохова. Талантлив, но нет словечка в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка с множеством местных слов”. (3.VIII. 41. Воскр.)

Автор дневника убежден, что истинное произведение литературы должно быть написано с определенной целью, оно должно являться результатом внутренней душевной потребности литератора:

”Нынче кончил «L'école des femmes» Gide’a. Скучно, пресно, незначительно. *Зачем это написано?* Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь – и только”. (19. X. 41. Воскр.)

Искусство ради искусства не трогает душу Бунина, и именно поэтому не приемлет он по-прежнему, как и языковые ”вывихи”, вычурность и красоту, о чем свидетельствуют дневниковые записи:

”Нечего читать – стал опять перечитывать Тургенева: «Часы», «Сон», «стук, стук», «Странная история». *Все искусственно, «Часы» совершенно не-*

нужная болтовня. [...]” (7. IX. 41. Воскр.)

”[...] Читаю собр. соч. Бодлэра «Мал. поэмы в прозе»¹. Ничтожны, *изысканны до Бальмонтовщины*, мелодраматичны. [...]” (7. XII. 41. Воскр.)

Следует указать, что автору дневника свойственна гибкость в оценках, и он с радостью открывает для себя талантливые страницы произведений писателей, другие прочтенные произведения которых вызывали у него лишь жесткую критику:

”Начал читать (с конца) рассказы Левитова², прочел (вернее, просмотрел) уже страниц 300 – совершенно *нестерпимо, пошло и бездарно до тошноты*. Но среди всего этого «Горбун», который очаровал меня лет 55 тому назад. «Горбуна» писал точно другой человек. И теперь я опять испытал некоторое очарование. И замечательно: с изумлением увидел, что много мест и фраз я помню с тех пор чуть не наизусть”. (24. VI. 41).

Оценки личностей писателей, как и в 1922 г., присутствуют в 3-х записях и столь же разнообразны:

”Письма Флобера из Египта (1850 г.) превосходны. Вообще, *совершенно замечательный был человек*”. (24. VI. 41.)

”Был André Gide. Оч. приятное впечатл. *Тонок, умен* – и вдруг: Tolstoy – *asiatique*. [...]” (28. 8. 41. Четверг.)

”Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все-таки он³ *хам, плебей*. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму”. (30. 8. 41. Суб.)

Следует отметить, что в заметках данного года в отличие от записей двух предыдущих лет присутствуют почти живописные ”эскизы”. Таким легким, ”акварельным эскизом” – вместо характерной для дневника 1922 г. ”зарисовки” характера – предстает женский образ в записи за 16 мая:

”[...] Красавица в платье с маргаритками – маргаритки по красной блузке и марг. по синей юбке. [...]”

Знакомый по заметкам 1922 г., звучит в одной из записей мотив о промелькнувшей жизни, навеянный известием о смерти поэта Д.С. Мережковского:

”[...] Боже мой, Боже мой, и его нет, и я старик! [...]” (15. XII. 41. Понед.)

Новым по сравнению с записями двух предыдущих лет является то, что в записи

¹ ”Маленькие поэмы в прозе” (”Petits poèmes en prose”) французского поэта Шарля-Пьера Бодлера (1821-1867), написанные им в 60-е годы, изданы посмертно (1869).

² Левитов Александр Иванович (1835-1877) – русский писатель. Автор книг рассказов ”Степные очерки”, ”Московские норы и трущобы”, повестей ”Накануне Христова дня”, ”Горбун” и др.

³ Автор романа М.А. Шолохов.

от 9 октября читателю приоткрывается завеса над творческой лабораторией автора дневника:

”Позавчера М.¹ переписала «Балладу»². *Никто не верит, что я почти всегда все выдумываю – все, все. Обидно! [...]*”³ (9. X. 41. Четверг.)

Неизменным в дневнике остается присутствие Л.Н. Толстого, жизнь и творчество которого живо интересовали автора дневника, свидетельством чему служат 2 записи о чтении книг Д.А. Шаховского⁴ и Т.А. Кузминской⁵. Упоминание о прочтении толстовских произведений непосредственно самим автором дневника мы встречаем еще в 2-х подневных записях:

”Опять, опять перечитал за последние 2 дня 1-й том «Войны и мира». Кажется, особенно удивительная первая часть этого тома”. (2. VIII. 41.)

Автор дневника все также категоричен и требователен к своим произведениям, как и в предыдущие годы, подтверждением чему служат 3 подневные записи о ”почеркивании” им своих рассказов, которые затем переписывали Галина Кузнецова и Маргарита Степун:

”[...] Начал еще раз перечитывать «Темные аллеи». *Перечитал и кое-где почеркал весь первый отдел*”⁶. (2. V. 41.)

3 февраля Бунин записывает в свой дневник:

”[...] То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался – выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова”⁷.

Данная запись, сделанная в период написания вышеназванной книги новелл о любви, свидетельствует о творческом поиске автора дневника, напоминающем искания художника, реализующего свое право на ”свободное изображение человеческого тела”⁸.

¹ Степун Маргарита (Марга) Августовна (1895-1972) – певица, сестра философа Ф.А. Степуна, с 1920-х в эмиграции.

² Рассказ из книги ”Темные аллеи”, впервые изданной в Нью-Йорке в 1943 г. (первое полное издание вышло в Париже на русском языке в 1946 г.).

³ Выделение автора.

⁴ Шаховской Д.А. (род. в 1901 г.), князь, в монашестве о. Иоанн, архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Автор книги ”Л.Н. Толстой и церковь” (Берлин, 1939).

⁵ Кузминская Т.А., младшая сестра жены Л.Н. Толстого. Автор книги «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

⁶ Выделение автора,

⁷ Выделение автора.

⁸ Мальцев Ю. В. Указ. соч. С. 334.

3.2. Природа в дневниковых записях Бунина

На разных этапах творческого и жизненного пути Бунина природа всегда являлась его тематическим приоритетом. Автор дневника так объяснял свой взгляд на воспроизведение природы: ”Я ведь о голой и протокольно о природе не пишу. Я пишу о красоте, то есть значит, все равно, в чем бы она ни была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души”¹.

В данном разделе мы рассмотрим стилистические приемы и лексические средства, в том числе лексику чувственного восприятия, используемые Буниным при описаниях природы в дневнике и являющиеся особенностями его авторского стиля.

1917 год

За данный год насчитывается 66 записей Бунина, в которых имеются описания природы, общее количество опубликованных записей писателя – 75. Дневник содержит развернутые описания природы, силы которой находятся в ”общении” между собой. Всё, что окружает писателя, на страницах записей 1917 г. проявляет себя как живое существо:

”[...] Идешь к гумну мимо вала (по направлению от деревни) – *деревья* на валу *идут навстречу*, а *небо* звездное за ними сваливается, *идет вместе со мною, вперед*. Сзади *идет* за мной *Юпитер* и пр. Идешь назад – все обратно. То же и на аллее. [...]

О, какая тишина всюду, когда я ходил! Точно весь *мир прервал дыхание*, и только *звезды мерцают*, тоже *затаив дыхание*”. (7 октября).

Бунинские записи данного года изобилуют **антропоморфными метафорами** (16) и **эпитетами** (11):

”[...] Опять наблюдал сад. [...] *Фантастичны стволы*, их *позы* (только *позы* и *разберешь*)” (21 августа);

”Над Колонтаевкой² *золотистая слеза Венеры*”. (16 октября);

”*косые космы тухлых* низких облаков” (12 сентября).

16 августа 1917 г. Бунин записывает в свой дневник:

¹ Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1991. – С. 21.

² Название имения помещиков Бахтеяровых, соседей Пушешниковых, в селе Глотова Орловской губернии, некогда принадлежавшее матери Бунина и изображенное им в ”Митиной любви” под названием Шаховское.

”Высунулся в окно. *Сорочка* со скребом когтей перебралась через потемневший от дождя забор из сада и пробежала мимо окна, *улыбнувшись мне дружески, сердечно* и замотав хвостом. Как наши души одинаковы!”

Отметим, что упоминание о птицах – милых сердцу писателя ”соседях” – мы встретим в записях этого года пять раз:

”В лесу птичий звон – *пересмешник* и пр.” (15 июня);

”[...] Смотрю ... на *воробьев*, иногда садящихся на солнечный подоконник и с живым, милым, как будто чуть-чуть насмешливым любопытством оглядывающих мою комнату. [...]” (27 июля)

Автор дневника использует **артефактные**¹ **метафоры** (11), **эпитеты** (3) и **сравнения** (2):

”Солнце за бахтеяровским садом садилось огромным расплавленным *шаром из золотого, чуть шафранового*² *стекла*”. (8 октября)

”На висячей зелени-хвое за окном висят бисером *стеклянные* капли”. (15 августа)

”Все крыши, вся земля были белые. Поехал через аллею [...] В каждой колее, где тень, *голубая сахарная пудра*³”. (8 октября).

”Лежал в гамаке, качался – белая луна на пустом синем небе качалась *как маятник*”. (21 августа)

Отметим нетрадиционные названия цветов, используемые автором дневника, каковыми являются словосочетания с именем существительным *цвет*, атрибутивный элемент которых выражен названием артефакта (*сахарная бумага*⁴), предмета в определенном его состоянии (*сухая малина*) или является адъективной производной от существительного, обозначающего артефакт:

”Под месяцем ... *синева цвета сахарной бумаги*”. (15 сентября).

”Далекий лесок под Щербачевкой – *цвета сухой малины*”. (5 октября)

¹ Основанные на восприятии их рукотворности. (См.: Пименова М.П. Образы внутреннего мира человека в произведениях П.П. Ершова [Электрон. ресурс] // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Выпуск 7. – Ставрополь, 2009. – С. 214).

² *Шафранный*. [...] 3. Оранжево-желтый, как будто выкрашенный шафраном (во 2 знач.). [...] *Шафрановый*. То же, что шафранный (в 3 знач.). (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 4. С. 704).

³ *Сахарная пудра* – порошок из мелко истолченного сахара, употребляемый в кулинарии. (См. Там же. Т. 3. С. 556).

⁴ Сахарная бумага – разновидность оберточной бумаги, которая использовалась в дореволюционной России для заворачивания сахарных голов. Так назывались затвердевшие слитки расплавленного сахара, которые заливали в специальные формы, напоминающие артиллерийские снаряды. Извлеченная из формы, сахарная голова заворачивалась в специальную плотную бумагу синего цвета, которая так и называлась – сахарная бумага. (См.: Б. Болотовский. Сахарная голова [Электрон. ресурс].

”Почти все небо в *грифельной*¹ *мути*, облачности”. (17 сентября)

Следует указать, что слово *небо* является одним из ключевых слов в описаниях природы за 1917 г. наряду со словами *облако*, *солнце*, *лес*, *аллея*, *сад*, *ветер*, *звезда*, *луна*. Взгляд автора дневника все время устремлен ввысь – к небу, которое он часто сравнивает с драгоценными и полудрагоценными камнями:

”... дальше открытое поле, желтое, покрытое где-то копнами, кое-где рядами.

Удивительная *бирюза* между ними на севере...” (27 июля)

”Месяц ... небо под ним *гелиотроповое* почти”. (15 сентября)

Автор дневника видит их и в виде звезд на небосклоне:

”Я стоял на последней ступеньке своего крыльца – как раз против меня был (над садом) Юпитер, на его левом плече Телец с огоньком Альдебарана, высоко над Тельцом *гнездо бриллиантовое* – Плеяды”. (5 октября)

”Под месяцем <?> опять *гелиотропы*²...” (15 сентября)

Пытливый взгляд писателя находит драгоценные камни разбросанными и на земле:

”По жнивью под солнцем блеск *алмазов* по остаткам изморози”. (8 октября, 11 ч. утра.)

В записях данного года зафиксировано взаимодействие тропов:

”*млеющий* синий *яхонт* *неба*” (27 июля)

(метафорического эпитета и генитивной³ метафоры).

Характерным для записей 1917 г. является авторское **восприятие природы через живопись**, о чем свидетельствует подневная запись от 8 августа:

”Вчера ездили с Верой на шарабане кататься [...] День был прекрасный. Когда выехали, поразила картина (как будто французского художника) жнивья (со вклиненной в него пашней и бархатным зеленым кустом картофеля) – поля за садом, идущего вверх покато – и неба синего и великолепных масс белых облаков на небе – и одинокая маленькая фигура весь день косящего просо (или гречиху красно-ржавую) Антона; и все мука, мука, что ничего этого не могу выразить, *нарисовать!*”

Последнее слово в данной записи, на наш взгляд, не случайно – оно скорее сим-

¹ *Грифель*. Палочка из аспидного сланца для писания на аспидной доске. *Грифельный*. Сделанный из этого сланца. (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 1. С. 348)).

² *Гелиотроп*. Ценный темно-зеленый с ярко-красными крапинками минерал, разновидность халцедона (употребляется для изготовления мелких художественных изделий). (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 1. С. 304).

³ Генитивная метафора – метафора, выражаемая конструкцией с существительным в родительном падеже.

волично: говоря о собственном, на его взгляд, бессилии *отразить* или *передать* увиденное, художник слова использует слово из лексикона живописца.

20 августа Бунин заносит в свой дневник:

”Погода все время прекрасная.

Нынче ездили с Колей в Измалково. Идеальный августовский день. Ветерок северный, сушь, блеск, жарко. Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, думал, что бывает, что стоит часа в четыре довольно высоко три четверти белого месяца, и никто никогда не *написал* такого блестящего дня с месяцем. Люблю август – роскошь всего, обилие, главное – огороды, зелень, картошка, высокие конопли, подсолнухи. На мужицких гумнах молотьба, новая солома возле тока, красный платок на бабе...

Колю подвез к почте, сам ждал его возле мясной лавчонки. Возле элеватора что-то тянут – кучка людей сразу вся падает почти до земли. Из южного небосклона выступали розоватые облака”.

При чтении этих строк создается ощущение, будто Бунин, наблюдая, воспринимает происходящее как картину, в которой люди – часть природы, часть полотна, созданного мастером по всем законам гармонии, перед которым в восхищении стоит писатель. Он как будто говорит про себя: ”Вот здесь широкой кистью положен мазок красного цвета...” Автор дневника, на наш взгляд, неслучайно употребляет снова синоним глагола *рисовать* – он воспринимает природу через живопись.

В.Я. Лазарев в статье, посвященной Бунину, пишет: ”У Бунина поэзия и проза составляют некое единое целое. Нераздельность поэзии и прозы – его особенное богатство (он и публиковал их нередко вместе, под одной обложкой). Разъять их – значит обеднить писателя, нарушить поток его сознания”¹. Данное восприятие очень близко нашему восприятию, и потому, исследуя дневниковую прозу, проведем некую схожую параллель с бунинской лирической поэзией, у которой, по мнению Анны Юнггрен, ”эстетическая задача – мимесис”, что, согласно исследователю, и ”объясняет ... образное и живописное качество, характерные для его прозы”². В согласии с утверждением Анны Юнггрен о том, что ”цвет у Бунина яркий и рассчитан на воссоздание в воображении максимально «визуального» представления (как в левитановских ландшафтах)”³, при-

¹ Лазарев В.Я. Синие камни [Электрон. ресурс] // Новый журнал, 2004, № 237.

² [...] Bunin's lyrical poetry is mimetic in aesthetic intent. This explains the visual and painterly quality characteristic of his prose. (Цит. по.: Ljunggren Anna. Studies in Innokentij Annenskij's Poetics: At the Crossroads of Russian Modernism. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1997, p. 115).

³ Color in Bunin is pictorial and intended to recreate the maximum "visual" impression (as in Levitan's landscapes). (Цит. по: Same, p. 115).

ведем строки из дневника:

”[...] дубы все шуршат, все *бронзово-коричневые*”. (30 сентября)

”[...] яблони <в> *золотисто-бронзоватой* мелкой мертвой листве”. (3 октября)

”Сад, да и ближе деревья – главное *рыже-бронзовое, бронзовое*”. (3 октября)

Вышеприведенные подневные записи показывают, как автор, подобно художнику, работающему с палитрой и смешивающему краски, создает новые ”оттенки” – сложные прилагательные, в состав которых входят прилагательные, образованные от ”основного тона” – существительного *бронза*.

Созерцание природной красоты вызывает порой у Бунина ассоциации с полотнами знаменитых живописцев:

”[...] Смотрел от варка¹: расчистило, деревья возле дома и сада необыкновенны, *точно бёклиновские*², черно-зеленые, цвета кипарисов, очерчены удивительно”. (21 августа 1917 г.)

”Прогулка в Колонтаевку была дивна: какая сине-темная зелень пихт не пожелтевших! (Есть еще такие, хотя большинство все дорожки усыпали своими волосами.) Шли дорожкой – впереди березы, их стволы, дальше трубы тонкие пихт, серая тьма и сквозь это – сине-каменное небо (солнце было сзади нас, четвертый час). *Бёклин поймал новое, дивное*. А как качаются эти тонкие трубы в острых сучках на стволах! Как плавно, плавно и все в разные стороны!” (3 октября 1917 г.)

Отметим родство в восприятии качающихся стволов деревьев автором дневника и известным русским художником Валентином Серовым, который в письме из Флоренции в 1887 г. писал: ”Кипарисы *качаются по-бёклиновски*”³.

Следует добавить, что на рубеже XIX–XX века Арнольд Бёклин, как пишет Б.И. Асварищ, был в России, пожалуй, самым знаменитым зарубежным художником⁴. По мнению И.Г. Минераловой, имя знаменитого художника встречается не только в дневниках Бунина, но ”и в воспоминаниях, и в стихах, и в прозе”⁵. В четырех бунинских стихо-

¹ Варач, *варок*, см. *варять*. (См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 1. – С. 164). *Варять* [...] задний, скотный двор, при избе или где отдельно; загон, стойло, баз, базок [...] (См.: Там же. Т. 1. С. 167).

² Арнольд Бёклин (1827-1901) – швейцарский живописец, график, скульптор; один из выдающихся представителей символизма в европейском изобразительном искусстве XIX века.

³ Асварищ Б.И. ”Остров мертвых” Арнольда и Карло Бёклиных [Электрон. ресурс] // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию проф. М.С. Каган. Серия ”Мыслители”. Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

⁴ Там же.

⁵ Минералова И.Г. Художественный синтез Бунина // Российский государственный журнал. – 1999. – № 12. – С. 44. (Далее в тексте: Минералова И.Г. Указ. соч. (с указ. стр.)).

творениях¹, согласно исследователю, ”ощутимы мотивы «Острова мертвых»² – море, кипарисы, гробница – в них как бы процитировано живописное полотно^{3,4}.

Вероятно, в силу ”синтеза живописи и слова”⁵, присущего творчеству автора дневника, он часто употребляет названия красок, используемых художниками-профессионалами:

”Вчера, едуци мимо пушешниковского леса, видел вдали, в Скородном (на косогоре, где дорога к Победимовым), целый островок желтого (в которое пущена красная краска – *светлая охра?* Нет, не то!) – особый цвет осенних берез”. (17 сентября)

”[...] Про яблони, кажется, неверно записал вчера – оне... ну, грязная *золотистая охра*, что ли, с зеленоватым оттенком. Яблони еще все в листве (такой)”. (4 октября)

Богатая цветовая палитра, используемая Буниным в дневниковых записях, включает в себя большое количество цветовых эпитетов и сравнений:

”[...] Дивились на деревья за сараем, с поля из-за риги – на сад: нельзя рассказать! Колонтаевка – и *желтое*, и *черно-синее* (ельник), и что-то *фиолетовое*. Зеленеет к Семен[о]вкам – *биллиардное сукно*. Клены по нашему садовому... необыкновенные. – Сказочный – *желтый*, *прозрачные* купы. Ели темнеют – выделились. *Зелень непожелтевшая посерела*, тоже отделяется. [...]” (26 сентября)

”[...] лес еще весь *зеленый* – и вдруг одно дерево, сплошь все в листве прозрачно, *багряно-розовой с фиолетовым тоном крови*”. (9 сентября)

Отметим, что порой, стремясь воспроизвести всевозможные оттенки красок природы, Бунин использует развернутые сравнения:

”[...] Вдали за Щербачевкой шапка леска буро-лиловата, *точно мех какой на звере облезает*. [...]”. (1 октября)

”[...] Ездил с Колей к Муромцевым. Как хороша его усадьба с этими де-

¹ «Зной» (1900), «Гробница Сафии» (1903-1905), «Стамбул» (1905), «Вот знакомый погост» (1917). (См.: Минералова И.Г. Указ. соч. С. 44).

² ”Остров мертвых” – одно из самых известных полотен Арнольда Бёклина.

³ Верную характеристику картине дает, на наш взгляд, Фадеева Татьяна: ”Круто вздымающиеся среди морской глади скалы острова, в которых скрыты то ли храмы, то ли крипты, осененные высокими стройными кипарисами, готовы принять белую фигуру-призрак, которая выпрямилась в лодке перед монументальными воротами в вечное пристанище”. (См.: Фадеева Татьяна. Магический кристалл или античные и кельтские истоки двух сказок А.С. Пушкина [Электрон. ресурс] //Toronto Slavic Quarterly, 2003, № 5).

⁴ Минералова И. Г. Указ. соч. С. 44.

⁵ Там же. С. 44.

ревьями в остатках осенней листвы (когда ехали, поразило Скородное далекое <нрзб>, *мех (пух, что ли) зверя – дымчато-серых, кое-где клоки рыжеватой шерсти еще не оципаны.* [...] Прочие лесочки за <нрзб> – все бурое [...]”
(5 октября)

В двух вышеприведенных подневных записях писатель сравнивает увиденный им лес со шкурой живого существа, зримого и осязаемого, что является характерным для автора дневника, широко использующего в записях 1917 г. **лексику чувственного восприятия**, к рассмотрению которой мы переходим.

Как известно, зрение, слух и обоняние – три из известных современной науке внешних чувств человека, – были развиты у писателя несравненно сильнее, чем у обыкновенных людей. Вот как передает в своих воспоминаниях ощущения автора дневника Т.Д. Муравьева-Логинова¹, в разговоре с которой Бунин коснулся этой темы:

”– Да, чувствую в себе всех предков своих... и дальше, дальше чувствую свою связь со «зверем», со «зверями» – и нюх у меня, и глаза, и слух – не все – не просто человеческий, а нутряной – «звериный». Поэтому «по-звериному» люблю и жизнь. Все проявления ее – связан я с ней, с природой, с землей, со всем, что в ней, под ней, над ней. [...]”²

Отметим, что в дневниковой прозе данного года задействованы все внешние чувства человека, к каковым относятся:

слух

”*Плещет* желоб”. (15 августа).

”Все, весь лес необыкновенно сух, *шуршит* [...]” (30 сентября)

осязание

”[...] *тугая* земля” (17 октября);

”[...] часть двора, густо заросшую крапивой, – и глухой и *жгучей*, – которую припекает солнце и над которой реет крупная белая бабочка. [...]” (27 июля)

обоняние

”А кроме того, сколько *едва уловимых*, но мне столь знакомых, родных с детства, *совсем особых запахов, присуищих только рабочей поре, косьбе ржаным копнам!*” (27 июля);

¹ Татьяна Дмитриевна Муравьева-Логинова – художница. Происходит из рода Карамзиных (ее прапрадед был родным братом Н.М. Карамзина). Уехала учиться во Францию в 1920 г. Работала у Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова и у мастеров Парижской школы (École de Paris). С И.А. Буниным познакомилась в 1935, а с В.Н. Буниной в 1936 г. Оставалась в дружеских отношениях с ними в течение всей их жизни.

² Муравьева-Логинова Т.Д. Живое прошлое. Воспоминания о И.А. и В.Н. Буниных // Иван Бунин. Литературное наследство: В 2 кн. – М.: Наука, 1973. – Кн. 2. – С. 302.

”В комнате с решетчатыми окнами *сырая свежесть, запах дождя, мокрой крапивы, травы*”. (27 июля)

температурные ощущения

”*Жаркий* дивный день”. (9 августа).

”Туман находил на нас *холодный*”. (8 октября, 11 ч. утра.)

вкус

”Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то *сладко*¹ пахнущей”. (3 октября)

зрение

”Вера смотрела направо – дивилась, как зубчата линия леса – на закате.

Остров почти весь зелен. Но, едучи кататься, видел осинку в этой зелени – совершенно малиновая!” (16 сентября)

Полифония чувственных ощущений, испытываемых автором, отражена в дневниковых записях, где при описании природы Буниным нередко задействованы несколько внешних чувств:

”*Пели* петухи, ветер *мягкий, влажный*, с юга... – осень! Свежая земля в аллеях уже сильно усыпана *желтой* листвой. Листья вяза *шершавые, совсем желтые*”². (Слух, осязание и зрение);

”Дни были хорошие, нынче *серо, прохладно, все беззвучно, неподвижно*”³. (Зрение, температурные ощущения и слух).

”*Ветерок северный, сушь, блеск, жарко*”⁴. (Осязание, зрение, температурные ощущения).

3 октября Бунин заносит в свой дневник:

”[...] Какое счастье дышать этим *сладким прохладным ветром*, ровно тянущим с юга вот уже много дней, идти по *сухой* земле, смотреть на сад, на дерево, еще оставшееся в *коричневатой* листве, *краснеющей* не то от зари (хотя заря почти *бесцветна*), не то своей краской. [...]”. (Зрение, вкус, осязание, температурные ощущения).

В вышеприведенной записи мы наблюдаем совмещение вкусовых и осязательных

¹ Совмещение вкусовых и осязательных представлений (синестетический перенос) в данной записи рассматривается далее.

² Запись от 21 августа.

³ Запись от 31 августа.

⁴ Запись от 8 августа.

представлений, которое является одним из видов **синестезии**¹ в дневниковой прозе Бунина.

Прежде чем более подробно перейти к описанию синестетических переносов, имеющих в дневнике 1917 г., отметим, что Бунин в своих подневных записях помимо индивидуально-авторских переносов использует и традиционные:

”Иногда *улавливал горечь* листвы мокрой”. (8 октября, 11 ч. утра.);

”Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то *сладко пахнущей*”. (3 октября)

А.В. Житков, исследовавший лексику запаха в поэтических и прозаических текстах Бунина, справедливо заметил, что ”растения и цветы всегда ассоциируются с запахом, поэтому «значение» запаха заложено в их семантике”². В семантике существительного *листва*, представляющей источник запаха, заложено, следуя А.В. Житкову, ”значение” запаха. В вышеприведенных записях глагол *улавливать* и причастие *пахнущий* также являются лексемами с семантикой ”запах”. Существительное *горечь* и наречие *сладко* характеризуют запах и заимствованы из сферы вкуса, но, поскольку, по верному замечанию А.В. Житкова, ”традиционным считается использование прилагательных вкуса (сладкий, горький, пряный, кисловатый) для обозначения свойств запаха”³, то данный вид синестезии является традиционным.

Следует сказать, что в данной работе при описании именно бунинских, индивидуально-авторских синестетических конструкций мы будем опираться на классификацию, используемую И.А. Кривенковой⁴, которая пишет: ”Направление переноса определяется

¹ [...] термин ”синестезия” вошел в научный обиход лет сто назад и сегодня весьма популярен в психологии, в теории искусства, в эстетике, хотя ... до сих пор нет единообразия даже в определении предметных границ самого этого понятия и, соответственно, в его дефинициях. Кроме того, что синестезией называют ... межчувственные связи в психике, этот же термин используется для определения результатов их проявлений в конкретных областях искусства: поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами; цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; и даже взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми). Так, к литературной синестезии относят выражения типа ”Флейты звук зорево-голубой” (К. Бальмонт), к живописной – картины М.-К. Чюрлениса и В.Кандинского, к музыкальной – произведения К. Дебюсси и Н. Римского-Корсакова, подразумевая при этом существование особых ”синестетических” жанров (программная музыка, музыкальная живопись) и даже видов искусства (светомузыка, абстрактный фильм). [...] (Цит. по.: Галеев Б.М. Синестезия – чудо поэтического мышления. – 2009-11-15, http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sine_r.htm). (Галеев Булат Махмудович (1940-2009) – профессор, доктор философских наук, возглавлял Казанский НИИ экспериментальной эстетики «Прометей», занимающийся вопросами теории синестезии и синтеза искусств).

² Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / УГПУ. – Екатеринбург, 1999. – С. 11. (Далее в тексте: Житков А.В. Указ. автореф. (с указ. стр.)).

³ Там же. С. 16.

⁴ Кривенкова И. А. Синестезия в языке художественной прозы М.А. Шолохова: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОПУ. – Москва, 2006. (Далее в тексте: Кривенкова И.А. Указ. дисс. (с указанием страницы)).

по тому, от какого ощущения к какому осуществляется перенос”¹. Исходя из того, что ”синестезия – это скрещение двух и более чувственных образов, поэтому синестетические конструкции всегда будут либо двучленными, либо многочленными (когда сочетаются более двух ощущений)”², можно говорить о том, что в дневниковых записях Бунина синестетические конструкции представлены двучленными синестезиями. К ним относятся:

а) **осязательно-слуховая синестезия** (перенос осязание → слух)

”[...] глядит зеленая густота сада ... в глубине своей таящая тень и еще свежую прохладу и то замирающая, затихающая, то волнуемая и тогда доходящая до меня *шелковистым*, еще совсем летним *шорохом*. [...]” (27 июля)

Здесь опорное слово, выраженное именем существительным *шорох*, относится к слуховой сфере, а имя прилагательное *шелковистый*, обладающее осязательной характеристикой, выполняет атрибутивную функцию и создает синестетическую ситуацию.

б) **вкусно-осязательная синестезия** (перенос вкус → осязание)

”[...] Удивительная бирюза между ними на севере, *сладкий*, еще совсем летний *ветер* дует с юга из-под тучи, и еще по-летнему доносится хлопанье перепела”. (27 июля)

В первой из вышеприведенных записей синестетический эффект создается при согласовании имени существительного *ветер*, обладающего осязательным значением и заключающего в своей семантике осязательные ощущения, и имени прилагательного *сладкий*, несущего в своей семантике вкусовые ощущения.

в) **осязательно-зрительная синестезия** (перенос осязание → зрение)

”[...] Тьма, *ледяная мгла* вдали едва различима, но все-таки видна”. (6 октября)

”[...] солнце, *синь густая* моря, белый город...” (8 октября, 11 ч. утра.)

Прилагательные *ледяной* и *густой* относятся к осязательной сфере, а существительные *мгла*³ и *синь* – к зрительной, что создает синестетическую ситуацию.

”[...] Сад на низком фоне *свинцово-синей* тучи. [...]” (27 июля)

Вышеприведенное сложное прилагательное образовано по следующей схеме: первый элемент – производное от имени существительного, относящегося к осязательной сфере (*свинец*⁴), второй элемент – цветочное прилагательное.

¹ Там же. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Мгла. 1. Пелена тумана, пыли, дым и т. п. (См.: Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 241).

⁴ *Свинец*. 1. Тяжелый мягкий ковкий и легкоплавкий металл синевато-серого цвета; *Свинцовый*. [...] 2. Темно-серый, цвета свинца. 3. [...] тяжелый. (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 4. С. 49 и 50).

Разделяя точку зрения Новожиловой А.М. о том, что ”в отличие от авторов воспоминаний и писем, дневниковед *один* знает о скрытом смысле той или иной фразы, которая для постороннего не таит глубокого содержания”¹, мы лишь предполагаем, что используя данное слово, автор дневника описывал именно их тяжесть, а не темно-серый, как у свинца, цвет туч.

г) **зрительно-осязательная синестезия** (перенос зрение → осязание)

”[...] серая тьма и сквозь это – *сине-каменное* небо [...]” (3 октября)

Первый элемент данного сложного прилагательного указывает на цвет, а второй – на отнесенность к определенному материалу. Наречие *сине* несет в своей семантике цветовой компонент, а прилагательное *каменный* – осязательный. *Сине-каменное* в данном тексте обладает значением ”напоминающий твердостью и насыщенностью цвета синий камень”.

Таким образом, в записях 1917 г. индивидуально-авторская синестезия реализуется на уровне слова (в сложных именах прилагательных) и словосочетания (в словосочетаниях атрибутивного типа – имя существительное + зависимое имя прилагательное).

Рассматривая лексику чувственного восприятия в дневниковой прозе Бунина, нельзя не сказать о явлении ассоциации, присутствующем в дневнике данного года:

”Пять часов. Сад на низком фоне свинцово-синей тучи. Высовывался из окна под редкие капли дождя на эту *сырую пахучую свежесть*, в одной рубашке — необыкновенно приятно, но *почему-то страшно напомнило детство, свежесть и радость первых дней жизни*”. (27 июля)

О.И. Тяжлова в своем исследовании, посвященном фразеосемантическому полю органов чувств человека, пишет: ”Через органы чувств наше «Я» подключено к окружающему миру. Вся информация, которую получает головной мозг из основных органов чувств, формирует наше восприятие окружающего нас мира. Все качества, признаки, свойства окружающих нас предметов и явлений мы познаем благодаря особым психическим процессам – ощущениям”². В согласии с высказыванием данного исследователя о том, что ”представления памяти – это воспроизведение образов предметов и явлений, воспринятых ранее”³, отметим, что синтез осязательных, обонятельных и температурных ощущений, имеющий место в вышеприведенной подневной записи, активизирует память автора дневника, вызывает у него положительные эмоции и ассоциа-

¹ Новожилова А.М. Указ. дисс. С. 26-27. [Выделение автора].

² Тяжлова О.И. Фразеосемантическое поле органов чувств человека: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОУ. – М., 2004. – С. 16. (Далее в тексте: Тяжлова О.И. Указ. дисс. (с указ. стр.)).

³ Тяжлова О.И. Указ. дисс. С. 27. [Выделение автора].

ции с детством.

Следует указать, что при описании природы в дневниковых записях 1917 г. преобладает положительно-оценочная лексика (*поразительный, непередаваемый, прелестный, превосходный, удивительный, изумительный* и др.), среди которой наиболее частотными являются следующие лексемы и их производные: *хороший* (13), *прекрасный* (9) и *необыкновенный* (8).

Разделяя точку зрения О.И. Тяжловой, которая считает, что ”то, КАК мы увидим, услышим, почувствуем, повлияет на то, ЧТО мы увидим, услышим, почувствуем”¹, мы переходим к рассмотрению записей за 1922 г.

1922 год

За вышеуказанный год насчитывается 12 записей Бунина, в которых имеются описания природы; общее количество опубликованных записей писателя – 45.

Слова *небо* и *облако* является ключевыми словами в рассматриваемых описаниях за данный год.

Пять из имеющихся заметок о природе состоят как из безличных, так и из номинативных распространенных или нераспространенных предложений, например:

”Дождь, темно [...]” (16/29 января).

”Чудесная погода, зеленеющий лес”. (23 апреля).

Остальные записи, имеющие отношение к природе, большей частью представляют собой развернутые описания. В подневной записи от 23 октября имеются **антропоморфные эпитеты**:

”[...] щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание! Нарядное, с красненьким, *веселое, легкое*², *беззаботное*. И этот порхающий полет. Падает, сложив крылышки, летит без них и опять распускает. [...]”

С живым существом сравнивает писатель и небесное светило:

”Солнце было как королек в легкой сероватой мгле над закатом”. (2/15)³

Автор дневника, как и ранее, воспринимает природу **через живопись**. Сближение двух смысловых сфер – сферы искусства и сферы природы – становится источником ассоциации ”луна – картина” в записи от 12 февраля:

¹ Тяжлова О.И. Указ. дисс. С. 5.

² Легкий [...] 5. Беззаботный, беспечный. 6. Покладистый, уживчивый. (См. Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 169).

³ Запись за январь 1922 г.

”Идешь вечером к Пескам – из-за Острова большая луна за переулком в быстро бегущих зеленоватых, лиловатых облаках, как старинная картина”.

(30 января/12 февраля)

22 января Бунин записывает в своем дневнике:

”Я как-то физически чувствую людей” (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!”¹

Лексика чувственного восприятия, о которой столь эмоционально пишет в вышеприведенной записи автор, представлена в записях 1922 г., но в отличие от развернутых описаний природы 1917 г., где Бунин использует богатейшую палитру красок, в описаниях этого года цветовая гамма значительно беднее.

Следует сказать, что при малочисленности записей в подавляющем большинстве из них также одновременно ”работают” несколько внешних чувств человека, например, *температурные ощущения, слух, зрение*:

”Дождь, довольно холодно, но трава в соседнем саду уже яркая, воробьи, весна”. (20 января/2 февраля)

Разделяя упомянутую ранее точку зрения Новожиловой А.М., мы предполагаем, что за словом ”весна” автор дневника не подразумевает запах весны. А поскольку в других имеющихся записях 1922 г. запахи отсутствуют полностью, то можно сделать вывод о том, что в записях данного года, в отличие от записей 1917 г., единственное незадействованное из известных современной науке внешних чувств – *обоняние*.

На наш взгляд, причинами отсутствия обонятельных представлений в бунинских записях этого года могли послужить следующие обстоятельства.

Во-первых, писатель по большей части в первые годы эмиграции наблюдал городские пейзажи, чем объясняется отсутствие природных запахов (также как и присутствие именно городских пейзажей) в записях 1922 г.

Во-вторых, несмотря на то, что Бунина, по всей вероятности, и окружали различные запахи – хотя и новые, а не ”чужие”, те, для которых еще нужно было найти свои слова, свой ”язык”, – для него доминировало восприятие другой информации.

Беря за основу утверждение Тяжловой О.И. о том, что информация, поступающая от органов чувств, ”неразрывно связана с теми или иными переживаниями”², мы пред-

¹ Выделение автора.

² Тяжлова О.И. Указ. дисс. С.19.

полагаем, что душа писателя была как бы еще ”захлопнута”, не открыта для окружающего его мира: недавний – вынужденный, а не добровольный – переезд за границу, с чем, исходя из записей самого писателя, было связано ежедневное ”хватание”¹ за газеты в первые годы эмиграции. А по утверждению ученого Р.Х. Райт, связь человека через органы обоняния – это самая ”прямая связь с окружающей средой”².

Суммируя вышесказанное, отсутствие запахов в бунинских дневниках 1922 г. можно объяснить отсутствием всестороннего, полноценного контакта, связи писателя с окружающим миром: одно из главных ”окошечек” в окружающий мир было закрыто.

В записях данного года отсутствуют синестетические переносы, но, как показывает нижеследующая подневная запись с присутствующей в ней метафорой ”слаже”, как и ранее наблюдается нераздельность чувственных ощущений автора дневника при восприятии окружающего мира:

”Все дождь, дождь, к вечеру *теплее, мягче, слаже*. Не могу слышать без волнения черных дроздов”. (11 апреля)

20 февраля Бунин заносит в дневник:

”Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон – 5-ый час – в чистом, углубляющемся небе одно круглое белое облако висит. *Вспомнил* горы, Кавказ, небо синее, яркое и в нем такое же облако, только ярче, белее [...]”

Следует сказать, что именно на примере описаний природы мы видим, как яркая образная память Бунина, неотделимая от его творческой личности, возвращает порой автора дневника в Россию:

”Погода опять чудесная, все то же за окном серое, чуть сиреневое, без единого облака небо (что-то *вроде нашего севастопольского*) ...” (19 марта).

”День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. *И как в Глотова*³ – щеглы, их звенящий щебет. [...]” (10/23 окт. 22 г.)

Подчеркнем, что, как показывают вышеприведенные записи, именно зрительные и слуховые ощущения активизируют память писателя и вызывают у него ассоциации с

¹ С волнением (опять!) схватился нынче за газеты. [Запись от 23 февр./8 марта 1921 г.].

² Р.Х. Райт. Наука о запахах. М.: Изд-во ”Мир”, 1966. – С. 122.

³ Глотова – деревня под г. Елец Орловской губернии, в которой находилась усадьба Васильевское, где Бунин часто бывал в детстве и юности. Хозяйкой Васильевского была двоюродная сестра писателя Софья Николаевна Пушешникова. После продажи в 1893 г. дома Буниных в Озерках (имения Чубаровой, бабушки писателя) Бунин постоянно приезжал сюда (с 1907 г. – с Верой Николаевной), нередко жил месяцами, много работал. В имении для писателя и его супруги были отведены две комнаты. (См.: Рышков В.В. Рядом с Буниным [Электрон. ресурс]).

Россией. Объясняется это, на наш взгляд, отсутствием в те дни вокруг автора дневника родных, русских, природных запахов, знакомых писателю с детства и способных "будить" его память.

Очень часто (5) для имеющихся 12 подневных записей встречается упоминание о птицах:

"И весна, и *соловыи*, и Глотова – как все это далеко и навеки кончено! [...]"

А первая весна с Юлием – Круглое, *соловыи*, вечера, прогулки по большой дороге! [...]" (11/24 Января)

В связи с этим, на наш взгляд, следует добавить, что об особом отношении писателя к пернатым соседям упоминается и в дневнике Пушешникова:

"И. А. все в таком же умиленно-болезненном настроении. Говорит, что по утрам его будят своим щебетанием какие-то мелкие птички, живущие здесь во множестве, начинающие щебетать и петь еще до восхода солнца, и он *испытывает такую нежность* к этим птичками и *желание как-то их отблагодарить* – и мучится тем, что этого не может сделать. «За что *они мне доставляют такую радость, такое блаженство?*»¹

В подневных записях данного года четко проявляется чувство восхищения Бунина перед окружающим его миром: при описании природы и ее обитателей писатель использует лишь положительно-оценочную лексику, среди которой чаще других встречается лексема *чудесный* (3).

Перейдем теперь к рассмотрению описаний природы в записях за 1941 г.

1941 год

За данный год насчитывается 86 записей писателя, в которых имеются описания природы; общее количество опубликованных записей – 119. Половина рассматриваемых записей представляет собой безличные, номинативные распространенные или нераспространенные предложения, например:

"Солнечно и холодно. [...]"

"Мутный, неподвижный день".

"[...] Облака, тучи, просветы, иногда дождь".

Часть других, также скупых описаний природы за этот год включает в себя вышеуказанный вид предложений, например:

¹ Пушешников Н.А. Дневник. [Запись за октябрь 1912 г., Капри].

”Был дождь и гроза. *Серо, влажно. Птицы, соловей*”.

”Погода все последнее время все таки неважная. *Солнце, облака, ветер с востока. Печет – и прохладный ветер*”.

Подчеркнем, что в описаниях природы за данный год, как и в предыдущие годы, *небо* и *облако* являются одними из ключевых слов наряду с лексемами *холод, дождь, ветер, горы*, а также *муть* и ее однокоренными словами.

В бунинских записях данного года, как и в дневнике 1917 г., часто встречаются **антропоморфные метафоры** (8):

”Липы возле дома уже обе *разделись*”. (25 ноября);

”[...] смотрел на горы над Ниццей – был прекраснейший вечер, горы были неясны, в своей вечной неподвижности и будто бы *молчаливости, задумчивости*, будто-бы таящей в себе *сон, воспоминания* всего прошлого человеческой средиземной истории”. (22. 8. 41. Пятница.)

В подневных записях 1941 г. также имеются **антропоморфные эпитеты**:

”Груды кремовых *курчавых* облаков (снизу серых), *навалившихся* на соба-чью гору над М. Карло”. (1 февраля)

Именно в сочетании со словами *небо* и *облако* употребляет Бунин ранее знакомый еще по записям 1917 г. антропоморфный эпитет *пухлый*:

”С утра *пухлые* облака...” (20 апреля);

”с *пухлым* облачным небом” (6 июля).

Автор дневника использует **артефактные метафоры и сравнения**:

”На верхней площадке редкие листья на липе, желто-зеленоватые на синем небе, *как на синем стекле*”. (25. XI. 41. Вторник.)

”[...] ночью: луна оч. высоко. небо пустое, огромн., на юго-в. лучисто играет чистый голубой *брил [лиант] Сириуса*”. (25. I. 41. Суббота.)

”Когда ехал в среду 22-го из Ниццы в Cannes в поезде, голубое вечернее море покрывалось сверху *опалом*”. (Без даты)

Отметим, что взгляд автора по-прежнему прикован к небу, на котором все также блистают для него россыпи драгоценных камней:

”6 часов. Туманность долины исчезла, выделилась на темно зеленом белизна домиков по долине. Спектр красок на западе определеннее, гуще. Над Тулоном – довольно высоко – звезда (без очков для дали) круглая, крупная, дырчатая – круг бриллиантов жидких; в очках – небольшая оч. блестящая точ-

ка, золотая, с блестящими лучами. [...]” (6. XI .41. Четверг.)

В вышеприведенной подневной записи имеется оксюморонное сочетание *круг бриллиантов жидких*¹. В подневной записи от 25 января автор также использует оксюморон:

”Вечер 11 янв.: выделились белые дома внизу, в окрестности, потемнела зелень камен[ного] дуба у ворот, желтая луна на *бесцветно-синем* небе [...]”.

Как мы видим, Бунин, как и ранее, использует сложные прилагательные:

”С утра весь небосклон к югу и западу, под солнцем, был закрыт *дымнотуман*. тучей. [...]” (11. II. 41.)

”К вечеру белые туманы в проходах Эстереля, море *серо-свинцового* тумана в долинах и горах в сторону Марселя”. (3. I. 41)

Вышеприведенное сложное прилагательное *серо-свинцовый* в данном случае не является реализующейся на уровне словосочетания зрительно-осязательной синестезией, поскольку оба элемента этого сложного прилагательного относятся к зрительной сфере, так как прилагательное *свинцовый*, на наш взгляд, указывает на цвет.

В немногочисленных развернутых описаниях природы этого года богатство цветовых оттенков, помимо сложных прилагательных, Бунин передает с помощью цветовых и оттеночных качественных прилагательных, наречий и существительных, а также глаголов цветового восприятия:

”5.35 вечера. ... гляжу на море и Эстерель. Долина синевато туманится. Море слабо белеет. Над ним сизо, над сизым чуть румянится. Прелестно синеват Эстерель. За ним, правее, чуть смугло снизу, бруснично, выше чуть желтовато, еще выше зеленовато (и чем выше, тем зеленее, но все оч. слабо). К Марселю горизонт в сизой мути, выше мутно-кремовато, еще выше – легкая зелень. *И все – пастэль*^{2,3}. (6. XI. 41. Четверг.)

Последняя из вышеуказанных подневных записей указывает на характерное для Бунина, как уже было показано, **сравнение природного ряда с живописным рядом**.

В записях, как и в дневнике 1917 г., встречается взаимодействие тропов:

¹ *Бриллиант* – ”прозрачный драгоценный камень – специально обработанный (ограненный и отшлифованный) алмаз”. [...] (См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. Яз.-Медиа, 2007. – Т.1. – С. 11). *Алмаз* – ”прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью”. [...] (См.: Там же. Т.1. С. 38).

² *Пастель*. 1. Спрессованные из стертых в порошок красок мягкие цветные карандаши для живописи, а также живопись этими карандашами. 2. Картина или рисунок, исполненные такими карандашами. (См.: Евгеньева А.П. Указ. слов. Т. 3. С. 30).

³ [Выделение автора].

”[...] Уже шумел ливень, точно заливая *огонь молний* (необъятных полетов, при которых иногда над Cannes в полнеба сверкала, извиваясь, *огненно-золотистая змея*)”. (8. VII. 41. Понедельник.)
(эпитета и метафор).

Говоря о **лексике чувственного восприятия**, следует отметить, что в описаниях этого года также одновременно задействованы несколько внешних чувств человека:

”В пятом часу чуть не час *гроза: фиолетовое с белым полированным блеском мелькание*, затем, через неск. секунд, *удары с затяжкой, разрывы, тяжкий стук, дребезг стекол и раскаты с одной стороны неба на другую, отходящее шипение*”¹. (Слух, зрение, осязание).

”Сейчас 3 часа, очень *горячее* солнце. Юг неба в *белесой дымке*, над горами на востоке *кремовые, розоватые* облака, красивые и *неясные*, тоже *в мути*. Там всегда моя *сладка мука*”². (Зрение, температурные ощущения и вкус).

В подневной записи от 6 июля писатель снова использует свой излюбленный стилистический прием. Помимо оксюморонного сочетания *сладка мука*, которое одновременно является метафорой, в записях этого года встречается еще один метафорический перенос:

”[...] Птичка *сладко поет*, уже по-весеннему. [...]”

В данной подневной записи от 11 марта на уровне словосочетания реализуется единственная **синестезия**, встречающаяся в записях о природе дневника 1941 г., которая является традиционной.

Следует сказать, что при том, что в записях 1941 г. задействованы все внешние чувства человека, именно *обоняние* автора дневника ”включается” единожды – одновременно со зрительными и температурными ощущениями. Совокупность трех вышеназванных ощущений вызывает у Бунина ассоциацию с Россией:

”С утра нечто похожее на утро начала русской осени – *небольшая свежест*³ в воздухе, *горьковатый запах* дыма, *легкий туман* в долине”.
(7. VIII. 41. Четверг.)

Слуховые ощущения, а также совокупность зрительных и температурных ощущений также активизируют память писателя и вызывают ассоциации с Россией:

¹ Запись от 2 мая.

² Запись от 6 июля.

³ *Свежест* [...] 2. Чистый, прохладный воздух; прохлада. (См. Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 4. С. 39).

”С некоторых пор каждый день где-то в Грассе *ревет* корова. Вспоминается Россия, ярмарки. Что может быть скучнее коровьего рева!” (21. VI. 41. Суббота.)

”Прекрасный день, *солнечный* и *теплый* – как в России в начале сентября. К вечеру замутилось”. (14. XII. 41. Воскр. (Наше 1 Дек.)).

В записях данного года из внешних чувств человека превалируют температурные ощущения, которые варьируются от жары до холода, но наиболее частотными являются слово ”холод” и производные от него (20).

Любовное, отеческое отношение писателя ко всему, что его окружает, проявляется в использовании уменьшительно-ласкательной формы существительных:

”По огородам уже давно висят подушки мелких фиолет. *цветочков*; зацвела сирень, иудино дерево, *каштанчик* весь в нежнейшей зелени, рядом *деревцо* все в зеленовато-коричн. листве и розовых цветах – нарядно удивительно”. (18. IV. 41).

”Опять думал, посидев минут пять в саду и слушая какую [какую-то. – М.Г.] весен. *птичку*, что иного представления о Боге, кроме Толстовского (его посл. лет), не выдумаешь. Божественность этой *птички*, ее *песенки*, ума, чувств”. (6. 3. 41. Четверг.)

Для автора дневника птицы остаются добрыми ”соседями”, которых писатель воспринимает подобными себе и наделяет их чертами, свойственными людям.

Употребляемая Буниным при описании природы в дневниковых записях 1941 г. оценочная лексика различна: из редко встречающихся в записях этого года негативно окрашенных эпитетов самым частотным является эпитет *мутный* (9), из позитивно окрашенных – *прекрасный* (14). Именно преобладающее употребление позитивно окрашенных адъективных лексем говорит о непреходящем чувстве восхищения, которое испытывал автор дневника перед окружающим его миром, красоте которого он не переставал удивляться:

”На солнце зной, в тени почти холодн. ветер. *Опять дивился красоте залива, цветистости всего*”. (10. VIII. 41.)

”[...] Вчера особенно *изумительная, волшебна прекрасная* ночь – почти половина луны так высоко, как видел только в тропиках. На закате *красота* – и *дивная* Венера”. (30. XII. 41.)

3.3. Социальный мир в дневниковых записях Бунина

1917 год

За данный год насчитывается 61 запись в бунинском дневнике, в которой имеются заметки о социальном мире; общее количество опубликованных записей писателя – 75.

В июле 1917 г., находясь вместе с Буниным в Глотова у родных, Пушешников заносит в свой дневник высказывание писателя: ”Я теперь твердо убежден, что хуже р[еволюции], вульгарнее, циничнее нет ничего на свете”¹.

Слово *революция* является одним из ключевых слов в бунинских записях данного года наряду со словами *газеты*, *солдаты*, *мужики*, *грязь*, *злоба*, *лес* и *слухи*. С горькой иронией использует Бунин при описании обстановки того времени развернутый оксюморон – прием, нередко встречающийся в его прозе:

”[...] На станции *«революционный порядок»* – *грязь*, *все засыпано подсолнухами*, *не зажигают огня* [...]”. (11 июня)

Страницы дневника тех дней наполнены печалью:

”Радость жизни убита войной, революцией”. (22 октября)

Писатель остро переживает события тех тревожных дней:

”[...] Дерзкое объявление Керенского² и еще более – социалистов-революционеров и социал-демократов – «Корнилов³ изменник». Волновался ужасно”. (30 августа)

Об этом свидетельствует и запись от 3 сентября в дневнике Пушешникова, в которой писатель фигурирует под инициалами И. А.:

”И. А. так волновался эти [дни], что даже спал не раздеваясь. Ничего не делал, ходил все время в пальто и картузе, вставал в пять утра, кипятил себе кофе, перебирал газеты и книги. [...]”

Газеты – неотъемлемая часть жизни тех дней в России. Упоминание об их непрерывном чтении мы часто встречаем в записях Бунина:

”[...] *Газетами* ошеломили за эти дни сверх меры”. (13 июля)

”[...] Вечером *газеты*, руки дрожат”. (31 августа)

¹ Пушешников Н.А. Дневник. [Запись за июль 1917 г., Глотова].

² Керенский Александр Федорович (1881-1970) – видный российский политический и общественный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917).

³ Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918) – генерал от инфантерии (1917 г.), Верховный главнокомандующий русской армии (1917 г.), один из организаторов Добровольческой армии.

Следует отметить, что, упоминая о газетах, автор дневника лишь один раз использует эпитет – негативно окрашенный:

”«Новая жизнь»¹ по-прежнему *положительно ужасна!* [...]” (4 августа)

В остальных записях встречается или данное слово или непосредственно название той или иной газеты:

”Телефон из Ельца – Орлов и Арсик – что «состоялось соглашение». [...] Там «*Новое время*» и «*Утро России*». Ошалел от волнения. Воззвание Корнилова удивительно! Вечером *газеты* – «*Русское слово*» от 29 и «*Р[усский] з[олос]*» [?] от 30-го. Последняя поразила: истерически-торжественное воззвание Керенского: “Всем! всем! всем!” Таких волнений мало переживал в жизни. Просто пришибло”. (31 августа)

О жадном чтении газет – главном источнике информации для Бунина, который, находясь в Глотове, пристально следил за событиями в стране, – свидетельствуют и строки из дневника двоюродного племянника писателя:

”[...] Лежу – вдруг И. А. *с газетами*: восстание ген[ерала] Корнилова. [...] Новые *газеты*. По-видимому, все провалилось. [...] И. А.: «По тону Гиммера-Суханова я чувствую, что дело кончено». Он не спал всю ночь. Утром в шесть часов я увидел его уже в картузе, нахлобученном на лоб, и в пальто. Лицо исхудало и приняло коричневый цвет»².

Газетным призывам жадно внимали и крестьяне. Подтверждением тому служит запись из дневника Пушешникова:

”Л. рассказывала, что И. Сен. говорил ей, что мужики ждут только телеграммы из города, чтобы сделать «Архаламеевскую ночь». – Мы «Русск[ое] слово» на клоки рвем, мы этим газетам не верим, у нас свои есть, большевистские. [...]»³

Солдат – одно из главных действующих лиц в записях Бунина. Он присутствует повсюду:

”[...] На станции [...] Много мужиков и *солдат*; сидят на полу... В сенях вагона 1-го класса мешки, *солдаты*. По поезду идет *солдатский* контроль. [...]”. (11 июня)

¹ ”Новая жизнь” – первая легальная большевистская газета, вышедшая в 1905 г., публиковавшая статьи В.И. Ульянова, А.В. Луначарского и др. партийных публицистов.

² Пушешников Н.А. Дневник. [Запись от 31 августа 1917 г.].

³ Там же. [Запись от 1 августа 1917 г.].

”[...] Вломились молодые *солдаты* с винтовками в наш вестибюль – требовать оружие [...]”. (4 ноября)

При создании ”портрета” одного из ”героев” своего дневников автор использует отрицательную оценочную лексику, включающую в себя оценочные существительные, прилагательные, предикативные наречия и оценочные словосочетания:

”[...] молодой малый с гармонией, солдат, *гнусная тварь, дезертир, ошалевший, уставший от шатанья и пьянства* [...]” (31 августа)

”[...] Три раза приходили, вели себя *нагло*. [...]”. (4 ноября)

”[...] представитель совета крестьянско-рабочих депутатов арестовал городского голову, *пьяные* солдаты и прочие из толпы убили его. [...]”. (4 августа)

Эпитет со словом ”солдат”, имеющий положительную оценку и употребленный автором дневника для оценки действия, встречается в записях всего один раз:

”[...] В вагоне в проходе – солдаты, солдат из Ламского *весело и хорошо* рассказывал, как Голицыны с тремя-четырьмя ингушами и попом (опять!) отбивались от мужиков и солдат. Голицына П. А. ранили. [...]”. (30 октября)

Мужик – второе главное действующее лицо в записях писателя за этот год.

Стоит сказать, что мужики всегда вызвали у Бунина противоречивые чувства: как точно отмечал известный исследователь творчества писателя А.К. Бабореко, ”с одной стороны – радостное удивление умом, одаренностью, душевным обаянием, с другой – разочарование и неприязнь”¹. Писатель с детства наблюдал крестьян и выделял среди них две совершенно разные группы. Первая – ”совершеннейшие аристократы”² и ”гармоничные дети природы”³. Таких мужиков он наблюдал у себя в орловских деревнях и с восхищением описывал встречи с ними:

”В три часа поехали с Колей на Прилепы за конопляным маслом для замазки. Хозяин маслобойки – богач, большой рост, великий удельный князь, холодно серьезен, застали среди двора, ноль внимания. «Масло – два рубля фунт». Пошли в маслобойку, заговорили – и вдруг *чудесная добрая улыбка. Вот кем Русь-то строилась. О своих односельчанах как о швали говорил*”. (8 октября).

Вторая группа – тоже ”вполне дети”⁴, но, в отличие от упомянутых выше, дети

¹ Бабореко А.К. Указ. соч. С. 224.

² Пушешников Н.А. Дневник. [Запись от 23 октября 1917 г.].

³ Мальцев. Указ. соч. С. 93.

⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 135.

”премерзкие”¹. ”Ужасны и зверства и низость мужиков, легендарны”², – так характеризует поступки подобных им Бунин в своем дневнике. Дневник пестрит наблюдениями писателя:

”Тупик говорит, что в с. Ламском *мужики* загалдели, зашумели, когда в церкви запели: «Яко до царя»: «Какой такой теперь царь? Это еще что такое?»
[...]

В Ефремове *мужики* приходили в казначейство требовать, чтобы им отдали все какие есть в казначействе деньги: «Ведь это деньги царские, а теперь царя нету, значит, деньги теперь наши». [...]” (15 июня)

Смешанные чувства, которые автор испытывает к мужику-крестьянину в России, проявляются в дневнике на лексическом уровне: в авторских оценках позитивно и негативно окрашенная лексика чередуются.

В приведенной выше записи от 8 октября 1917 г., где субъект описания дает своему окружению негативную оценку (*шваль*), сам автор дневника, оценивая, в свою очередь, его социальное положение и поведение, за исключением наречия *холодно* использует лишь положительно-оценочные слова. При описании русских мужиков в нижеследующих записях также встречаются позитивно окрашенные лексемы:

”[...] *строгий*, в серой поддевке, *богач* мужик (Коля сказал – Саваоф³)
[...]” (1 августа).

”[...] В Осиновых Дворах два мужика: один рыжий, нос картошкой, *ласково-лучистый*, *профессор*, другой – *поразил*: IV [?] в., *Борис Годунов*, *крупность* носа, губ, толстых ноздрей, профиль почти грозно-грубый, черные грубые волосы, под шапкой смешаны с *серебром*. Должно быть, *древние* люди, правда, не те были. [...]” (3 октября)

9 октября Бунин заносит в дневник:

”Старик мужик *худой*, *болезненный*, *милый* и *разумный*”.

Как мы видим, давая оценку внешнему облику этого крестьянина, автор использует отрицательную лексику, а оценивая ум и свойств характера – положительную.

Точно также и ”портрет” мужиков из Осиновых Дворов – субъектов описания в вышеприведенной записи от 3 октября – обнаруживает неоднозначный взгляд писателя на сложность природы крестьянина. Так, позитивную оценку внешней красоте, столь

¹ Там же. Т. 1. С. 135.

² Запись от 30 сентября 1917 г.

³ Саваоф – одно из библейских названий Бога. [...] (См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – 2009-03-25, <http://www.vehi.net/brokgauz/>).

привлекательной для автора дневника, заключают в себе предложение ”*Какое ничтожество и мелкость черт у ребят молодых!*”¹ и словосочетание ”*древние люди*”². У Бунина эпитет *древний* всегда несет положительную окраску, и поэтому ярким контрастом к оценкам, выражающим эстетическое признание, звучит оценка их социального мышления:

”[...] Говорили эти мужики, что они про новый строй смутно знают. Да и откуда? Всю жизнь видели только Осиновые Дворы! И *не может* интересов[аться] другим и своим государством. Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, – русской земли, а не своей только десятины!”³ (3 октября)

”В языке и умах мужиков все спуталось”, – записывает Бунин 21 октября 1917 г. в своем дневнике, а в разговоре со своим племянником со страстью в голосе произносит:

”Напрасно русскому *мужику* навязывают идею самоуправления, которого он будто бы страстно хочет. Вздор все это. Он ничего не хочет обязательного, – он самый большой индивидуалист в мире”⁴.

”В головах *дичь, тьма, – ужас вообще!*” – такую запись оставляет автор в своем дневнике 15 октября.

Следует одновременно подчеркнуть, что контрастностью оценок отличаются заметки и о других ”второстепенных” героев социального мира:

”Нынче Коля уехал в Ефремов. Совсем уехала кухарка с детьми, с Жоржиком. Я возле телеги шутил с ним, целовал (как не раз и прежде) – они уехали, даже головой не кивнув. *Животные!*” (13 августа)

”Поповы – молодые муж и жена. Она княжна Туркестанова. Что за *преlestное существо*. Все раздает всем свои запасы. [...]” (1 ноября)

Возвращаясь к лексеме *мужик*, отметим, что отрицательные оценки с этим словом встречаются в записях Бунина за 1917 г. еще 5 раз: прилагательное *пьяный* (3), существительное *животное*⁵ в подневной записи, где речь, по всей вероятности, идет о крестьянском сыне, а также оценочное словосочетание в записи от 30 октября:

”... громят Глотова. [...] Через час – *пьяный* мужик из Предтечева: «Там все

¹ Запись от 3 октября 1917 г.

² Запись от 3 октября 1917 г.

³ Выделение автора.

⁴ Пушешников Н. А. Дневник. [Запись за 1917 г.].

⁵ ”Это *животное*, сын Андриана, когда я спросил [...]” (Запись от 15 октября).

бьют, там громят, мельницу Селезневскую разнесли... Уезжайте скорее!» Цель – разносит слухи, оповещает всех, хотя прикидывается возмущенным, и кроме того всюду берет на водку. [...] Подошел кто-то, *что-то «товарищеское»*, хотя мужик [...]”.

Автор дневника скуп на оценки русского мужика: он лишь показывает его постоянное присутствие и непосредственное участие в том процессе, который бурно происходит в те дни в России:

”[...] Волю «свободной» России почему-то выражают только солдаты, *мужики*, рабочие. [...]” (11 июня)

”[...] В школе выборы в волостное земство. [...] Гурьбой идут девки, бабы, *мужики*, староста сует им номер первый, и они его несут к «урне». [...]” (15 октября)

Следует отметить, что самой частотной лексемой при описании условий жизни и быта мужиков в русской деревне, является негативно окрашенная лексема *грязь* (5):

”[...] Потом по деревне. *Грязь*, все развалено. Собственно, никто ничего не делает почти круглый год. [...]” (13 августа)

”[...] Двойная изба, в сенцах свиньи. *Грязь*, мерзость запустения. [...]” (31 августа)

Автор дневника все время пишет о том, что мужики рубят лес (упоминание об этом в дневнике встречается 4 раза):

”[...] На просеке снова вдали дроги, лошадь – *рубят!* [...] Думал о своей «Деревне». Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку – верь мне, я взял типическое. [...]” (8 октября)

”В школе [...] там крик, возмущение, что мужики *друг у друга лес рубят* [...]” (15 октября)

В дневнике Пушкина мы также встречаем упоминание о рубке леса:

”Гуляя по вечерам (ходим далеко и возвращаемся поздно), видим, как мужики *рубят и воруют лес*, как шуршат листья и сучья по замерзшей дороге в звонкие звездные ночи”¹.

Лес в дневнике Бунина становится образом прежней России – России, о которой болит сердце писателя. Автор дневника пытается достучаться до мужика, но повсеместно сталкивается лишь со злобой:

¹ Пушкин Н. А. Дневник. [Запись от 15 октября 1917 г., Глотова].

”[...] Был нынче на мельнице. *Злобой* мужики тайно полны. Разговаривать бессмысленно!” (26 сентября)

”Вчера мы с Колей ходили к Пантюшку. Он ничего, но подошли бабы. Разговор стал противный, *злобный* донельзя и идиотский, все на тему, как господа их кровь пьют. [...]” (26 августа)

Бессмысленная злоба, с которой сталкивает писатель, в свою очередь порождает злобу и в его душе, о чем он страстно говорит своему племяннику:

”Я никогда при царском строе не чувствовал такой *бессильной злобы*, как теперь. Раньше я знал по крайней мере ту грань, за которую я не мог переступить. У меня было хоть какое-нибудь, хоть самое минимальное право, но все-таки право. Теперь и этого нет, теперь какой-нибудь Алешка Минаев может сделать со мной все, что ему угодно – убить меня, зарезать, всячески измываться надо мною. Пусть будет какой угодно, хоть самый строжайший закон, самая ужасная смертная казнь, но это все же будет лучше, так как это закон. Здесь же полнейший произвол, и это больше всего вызывает у меня бешенство и *злобу*”¹.

7 июля 1917 г. Бунин записывает в своем дневнике:

”[...] О бунте в Птб. мы узнали еще позавчера вечером из “Раннего утра”, нынче вести еще более оглушающие. Боль, обида, *бессильная злоба*, злорадство”.

Следует отметить, что в те дни злоба царствует во всех душах:

”[...] На советы narосла, видимо, *дикая злоба у всех*. [...] *Бессильная злоба*” (15 сентября)

”[...] *Озлоблены* и юнкера. [...]” (30 октября)

Разговаривая с племянником, Бунин произносит:

”[...] *А этими чувствами злобы у нас играют*. В России каждый просвещенный человек должен был бы противостоять народу и держать в узде и учить и учить, не выпуская из рук этой узды. А у нас что? Ох, какой комикодрамой все это кончится! Небу жарко станет. [...]”²

Описывая весь круговорот происходящих на его глазах событий, автор дневника использует очень меткие характеристики при их описании:

”[...] Пробегают не то юнкера, не то солдаты под окнами у нас – идет *охо-*

¹ Пушешников Н.А. Дневник. [Запись от 17 июля 1917 г., Готово].

² Пушешников Н.А. Дневник. [Запись от 29 августа 1917 г.].

та друг на друга». (1 ноября)

Дневник писателя 1917 г. полон упоминаниями о *слухах*, которыми живет население России в те тревожные дни:

”[...] Отовсюду *слухи* о погромах имений. Вл[адимира] Сем[еновича] все Анненское разгромили. Жгут хлеб, скотину, свиней жарят и пьют самогонку. (Опять!) У Ростовцева всем павлинам голову свернули. [...]”. (30 октября)

Помимо субстантивной лексемы *слух* в дневнике встречаются глагольные лексемы *толковать* и *говорить*¹, с помощью которых автор дневника рисует атмосферу тех беспокойных, трагических дней, в которой народ жадно внимает слухам:

”[...] Все было ожидание [...] Слухов – сотни (опять!) [...]” (30 октября)

В этот же день Бунин записывает в свой дневник:

”[...] Боже, небывалое в мире зрелище – Россия!”

Это родное до боли автору дневника название собственной страны очень емко: оно включает в себя всё – водоворот событий, слухов, шквал эмоций и газет, главных действующих лиц общественной жизни тех дней. Эта сегодняшняя Россия противопоставлена той, старой России, которую 21 ноября оплакивает в своих записях Бунин:

”[...] Передо мной бутылка № 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия! Где она теперь. [...]”

Зимой 1920 г. писатель эмигрирует во Францию. Здесь в Париже раздумья писателя о России и русских людях вливаются, как ручеек, в реку размышлений о человеческом обществе на фоне парижской жизни, о которой 19 марта 1922 г. он напишет:

”[...] Все, что ни вспомню о парижской жизни, отравлено тайной, непонятной тоской”.

Отметим, что слово *тоска* является одним из ключевых слов в дневнике Бунина за данный год, но поскольку оно не имеет отношения к социальному миру, то мы не будем заниматься его анализом.

1922 год

За вышеуказанный год насчитывается 19 записей в бунинском дневнике, в кото-

¹ *Слух* от Лиды Лозинской, – Ив. С. В лавке *говорил*, что на сходке *толковали* об «Архаломеевской ночи» – будто должно быть откуда-то телеграмма – перебить всех «буржуев» – и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу – то же сказал и Сергей Климов (не зная, что уже мы уже слышала, что говорил Ив. С.): на деревне *говорили*, что надо вырезать всех помещиков. [Запись от 1 августа 1917 г., Глотова].

рых имеются заметки о социальном мире; общее количество опубликованных записей писателя – 45.

Слово *газеты*, являющееся одним из ключевых слов в записях данного года наряду со словами *ложь* и *большевики*, ”перекочевало” из 1917 г. в 1922 г. В сравнении с записями ранее рассматриваемого года Бунин в 1922 г. не просто упоминает название той или иной газеты – он дает эмоциональные, емкие оценки их содержанию:

”Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю «Посл. Нов.», от вестей и *подлости* которых плакать хочется, – и опять погибший день. [...]”
(19 марта)

Слово *грязь*, имеющее некое символическое значение в записях 1917 г., но все-таки в первую очередь обращенное к деталям быта русской деревни, наполняется в записи 1922 г. более глубоким нравственным смыслом:

”В газетах все та же *грязь, мерзость, лукавство политиков, общая ложь, наглость, обманы*, все те же вести о большевицком воровстве, хищничестве, подлости, цинизме... «Цинизм, доходящий до грации», пишут своим *гнусным жаргоном* газеты. Царица Небесная! Как я устал!” (9/22 Января).

Отметим большее присутствие оценочных лексем (отрицательно-оценочных существительных и словосочетаний) со словом *газеты* по сравнению с дневником 1917 г., в котором они не встречаются (исключение составляет отрицательно-оценочное словосочетание *положительно ужасна*).

Беспощадную и точную оценку автор дневника дает не только печатным изданиям, но и поведению известных литераторов:

”Она [актриса Роджерс] только что получила письмо от Горького: «В Россию, верно, не вернусь, переселяюсь в горные селения... Советский минотавр стал нынче мирным быком...» *Какой мерзавец – ни шагу без цели! Все это, конечно, чтобы пошла весть о его болезни, чтобы парализовать негодование (увы, немногих!) за его работу с большевиками и чтобы пустить слух, что советская власть «эволюционирует».* И что же, Роджерс очень защищала его”.
(16/29 января).

”Ходил к Шестовым. [...] Он говорит, что *Белый ненавидит большевиков*, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. «Жизнь в России, – говорит Белый, – дикий кошмар. Если собрались 5-6 человек родных, близких, страшно все осторожны, – всегда может оказаться предателем кто-нибудь». *А на лекциях этот мерзавец говорит, что*

«все-таки» («несмотря на разрушение материальной культуры») из России воссияет на весь мир несказанный свет». (21 ян./3 февраля).

Поступки собратьев по перу, свидетелем которых является автор дневника, звучны поступкам тех, кто формирует общественное мнение и ведает внешней политикой:

”У Фонд[аминских] муж Л. С. Гавронской, Бор[ис] Осип[ович], доктор, только что из России: «жить в России невыносимо, вся Россия острог, вся поголовно больна, кроме главарей...» *А в Париже все кричат о том, что большевики «в панике». Всё затем, чтобы сказать: «Всё обойдется и без Врангелей».*” (28. XI. (11. XII.) 22 г.)

Вместо мужиков и солдат на арену общественной жизни в бунинских записях 1922 г. заступают *большевики*, манипулирующими чужими судьбами:

”Все едут в Берлин, падают духом, сдаются, разлагаются. Большевики этого ждали... Изумительные люди! *Буквально во всем ставка на человеческую низость!* Неужели «новая прекрасная жизнь» вся будет заключаться только в подлости и утробе? Да, к этому идет. Истинно мы лишние”. (1/14 февраля).

18 февраля Бунин запишет:

”Боже, какой *океан горя низвергли большевики на всех нас!* Это надо помнить до могилы”. (5/18 февраля).

Отношение автора дневника к новым действующим лицам сугубо негативное. Еще в дневнике 1917 г. Бунин ассоциировал их власть со ”скандалами, войной и т.д.”¹.

Как мы видим, при описании социального мира, анализируя происходящие в нем события и задействованных в нем лиц, автор дневника дает преимущественно негативные оценки, используя развернутые синтаксические конструкции – оценочные предложения. Резкий контраст к описанию этого мира, который, на взгляд Бунина, ”ошалел и оподдел”², составляет положительная оценка облика офицера в записи от 14 января:

”Вечером у Алек. Вас. Голштейн. Кто-то военный, в погонах, *трогательно* бедно одет. Как мало ценятся такие *святые редкие* люди!”

Пройдут почти два десятилетия, и к неизменному слову *газеты* в бунинский дневник войдут новые ключевые слова *холод, голод, радио, брехня, сообщения* и *война*.

¹ Запись от 30 октября 1917 г.

² Запись от 9 апреля 1922 г.

1941 год

За данный год насчитывается 86 записей, в которых имеются заметки о социальном мире; общее количество – 119.

Частое присутствие слова *голод* и слова *холод*, которое не связано с погодными условиями, а имеет отношение к быту людей военного времени, передает в бунинском дневнике тяжесть тех военных дней:

”[...] *Холод* в доме ужасный, топить вволю нельзя, нечем: запасы наши угля и дров на исходе, дальше будут давать только 100 кило в месяц – на-смешка!” (21. I. 41.)

”В Норвегии голод. В Финляндии – *голод*, во Франции *голод*. Вся Европа ввержена в смертоносные битвы, *голод*, *холод*, рабство, муки”. (29. I. 41.)

Суровые условия жизни отчетливо проявляются в дневнике Бунина в описании городских лавок:

Ходили в город – пустыня во всех лавках! Только вялый жесткий сельде-рей. [...]” (11. II. 41.)

”[...] И опять, опять изумление: ничего нигде во всем городе – куска хлеба не купишь. Выпил на голодный желудок крохотную бутылочку лимонного сока”. (29. VII. 41. Вторник.)

Эпитеты, употребляемые Буниным для перечисления еды, позволяют нам зримо представить пищу на обеденном столе писателя и одновременно великолепно передают авторское отношение и иронию:

”1. I. 41. Среда.

«Встречали» Новый год: по кусочку колбаски, *серо-сиреневой*, *мерзкой*, блюдечко *слюнявых* грибков с луком, по два кусочка жареного, *страшно же-стка* [жесткого – М. Г.] мяса, немножко жареного картофеля (привез от N. N.), две бутылки красного вина и бутылка самого *дешевого* асти. [...]”

”Завтракали и обедали мы *роскошно*», – съели по кусочку свинины (одно жесткое сало), ели салат”. (8. 2. 41)

”В. принесла утром кусок белого хлеба – выдавали бесплатно, по карточкам – хлеб из белой муки, подаренной Франции Америкой. *Чудесный* хлеб! Мы едим *отвратит.*, *кислый*, *желто-серый*”. (25. V. 41. Воскресенье.)

Обратим внимание на одновременное использование эмоционально-оценочных (*мерзкий*, *отвратительный*), оценочных (*страшно*, *дешевый*) и чувственных эпитетов

(жесткий, кислый, желто-серый). Касясь последних, отметим совокупность зрительных (сложных цветовых) как с осязательным, так и с вкусовым эпитетами.

Авторскую иронию, а порой и горечь, передают эпитеты, используемые Буниным и по отношению к тем, с кем он под одной крышей проживает в Грассе:

”Замечательные мои нахлебники. Бесплатно соержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр. [...]” (11. 3. 41.)

”[...] Дикая моя жизнь, дикие сожители. М., Г. – что-то невообразимое”. (26. 2. 41. Среда).

Следует отметить, что горечь сменяется в дневнике на жесткую, эмоциональную оценку в виде слова *брехня* в тех записях 1941 г., где речь идет о *газетах* и *радио*:

”Газеты, радио – все *брехня*. Одно ясно – пока «не так склалось, як ждалось»”. (24. VII. 41. Четверг).

Порой и этого слова автору дневника недостаточно для того, чтобы выразить свое негодование:

”Бесстыжая *брехня* газет и радио – все то же! Утешают свой народ. ”В Пет. мрут с голоду, болезни... ” – это из Гельсингфорса. Откуда там что-ниб. знают? [...]” (7. IX. 41. Воскр.)

”В газетах *холопство, брехня, жульничество*. Япония в полном мизере – всяческом. Довоевались, с. в. м.!” (5. IX. 41. Пятн.)

Отметим, как и в дневнике 1922 г., использование автором негативных оценок при оценке содержания газетных публикаций: отрицательно-оценочных существительных и одного словосочетания с лексемой *газеты*.

18 апреля 1941 г. Бунин запишет в своем дневнике:

”[...] Избегаю читать газеты и слушать радио. [...]”

Автор дневника лишь указывает, радиосводки какой страны были недавно прослушаны:

”Нынче вечером *советск. и швейц.* радио: англич. взяли Тобрук. Междоусоб. война в Румынии”. (21. I. 41.)

Исключение составляют две записи, в которых звучит авторская характеристика:

”[...] Слушали московское радио – как всегда *хвастовство всяческим счастьем и трудолюбием «Советского Союза» и танцулька без конца*”. (1. I. 41. Среда.)

”*Чрезвыч. бодрое* английск. радио вечером”. (31. I. 41. Пятница.)

Неразрывно со словом *радио* связано и другое – *сообщения*. Эпитеты, используемые с этим ключевым словом, имеют негативную окраску:

”[...] Все сообщения – с обеих сторон – *довольно лживы, хвастливы*, русские даются нам в извращенном и сокращенном виде”.

(13.VII. 41. Воскресенье.)

”[...] Немецкие сообщения *оглушительны*”. (14.VII. 41. Понедельник.)

Наиболее частотным ключевым словом в бунинских заметках о социальном мире за 1941 г. является слово *война* (28). В дневнике писателя именно это емкое слово включает в себя голод и холод в домах, лживость газетных и радиосообщений. Размышляя на страницах дневника о собственной жизни – неотделимой от миллионов жизней других людей, автор показывает нерасторжимую, порой трагическую связь личности и исторических событий, которые подобно стихийному бедствию врываются в жизнь отдельного человека:

”[...] Вообще, чего только я не пережил! Революция, *война*, опять революция, опять *война* – и все с неслыханными зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т. д.! [...]” (9. 3. 41. Воскр.)

На важность этого слова указывает и то, что впервые в одной из подневных записей встречается нехарактерная для дневника запись о протяженности войны – в той части, где иногда автор помимо обычных указаний на дату указывает время суток, день недели или свое местонахождение:

”19. X. 41. Воскр. Пошел пятый месяц войны.

[...]”

3.4. Характер изменений записей о литературе, природе и социальном мире в дневниках И.А. Бунина

В данном подразделе мы рассмотрим отмеченные нами в ходе анализа записей изменения в характере описаний природы, литературного и социального миров.

В опубликованных дневниках И.А. Бунина за 1917, 1922 и 1941 гг. самой малочисленной – по общему количеству всех заметок и по удельному весу в общем объеме подневных записей за год – является тема **литературного мира**: 1917 г. – 29 (39%), 1922 г. – 17 (38%), 1941 г. – 31 (26%).

Отметим, что, несмотря на изменяющееся количество подневных записей, содер-

жащих окололитературные заметки, сами заметки по своей длине остаются одинаковыми на протяжении трех рассматриваемых лет, отличаясь при этом разнообразием тематики.

Автор дневника предстает очень деятельным и требовательным читателем как своих собственных, так и чужих произведений, что отражено в удельном весе критических заметок в общем объеме подневных записей о литературе за год: 1917 г. – 76%, 1922 г. – 29%, 1941 г. – 77%. Снижение количества заметок наблюдается лишь в 1922 г., одном из первых годов эмиграции писателя.

В дневнике, при неизменном присутствии на его страницах имени Л.Н. Толстого, в записях, оставленных по прочтении произведений других литераторов, наблюдаются глубокие изменения в использовании автором критических красок.

По сравнению с заметками 1917 г., в которых преобладали только отрицательные оценки, и с соответствующими записями 1922 г., которые содержали лишь негативно-оценочные лексемы, записи 1941 г. содержат оценочную лексику как положительной, так и отрицательной направленности. При этом количество записей, содержащих одновременно те и другие оценочные лексемы, превалирует над количеством записей, содержащих лишь только положительные или отрицательные оценки.

Наблюдаются изменения в самой положительно-оценочной лексике писателя: на смену лексеме *хороший* и производной от нее, встречающихся в записях Бунина за 1917 г., в дневнике 1941 г. появляется краткая форма положительно окрашенной адъективной лексемы *талантливый*.

В каждый из трех рассматриваемых нами периодов времени отрицательно-оценочные лексемы также различаются, что, на наш взгляд, указывает на происходящее с годами некое изменение в системе оценок Бунина.

Так, самые частотные в записях 1917 г. отрицательные лексемы, производные от корня *мертв-*, в дневнике за 1941 г. сменяют столь же часто встречающиеся лексемы, производные от глагола *скучать*, что указывает на то, что на склоне лет неприятие искусственности в литературе, свойственное писателю в начале века, уступает по своей значимости стремлению, обозначенному Ю.С. Мальцевым как ”преодоление литературы”¹. Вероятно, автор дневника, который в начале 1910-х годов, по его собственным словам, не смевший писать о том, что ему хочется и так, как ему хочется², а к концу

¹ Мальцев Ю.С. Указ. соч. С. 276.

² [...] Для меня главное – найти звук. Как только я его нашел – все остальное делается само собой. Я уже знаю, что дело кончено. Но никогда не пишу того, что мне хочется, и так, как мне хочется. Не смею. [...]

жизни, как отмечают многие исследователи, ставший очень современным¹, ожидал открыть для себя новизну стиля, тем и в произведениях других литераторов. И поэтому, не найдя этого, Бунин награждал прочитанное нелестной оценкой.

Постоянной в записях и 1917, и 1922, и 1941 гг. является лексема *пошлость* и производные от нее. Обозначающее этико-эстетическое явление в литературе, оно одновременно связано с личностью автора дневника, что позволяет нам считать его ключевым словом во всех бунинских окололитературных заметках.

Разнообразие авторских оценок в окололитературных заметках 1917 и 1941 гг. позволяет нам сделать вывод об отсутствии заостренности взглядов писателя, его постоянной готовности с радостью оценить подлинный талант как в зарубежной, так и в русской литературе, главными чертами которой он считал "глубину, серьезность, простоту, непосредственность, благородство"².

По аналогии с окололитературными заметками, по удельному весу записей, содержащих описания **природы**, в общем объеме подневных записей за год лидирует 1917 г. – 88% (1922 г. – 18%, 1941 г. – 72%). На данный год приходится также самое большое число заметок с развернутыми описаниями окружающего мира на общее количество подневных записей за год.

На смену частым (66) описаниям приходят преимущественно краткие (12), очень малочисленные описания природы в 1922 г. Большой частью односложно и скупно, но также часто (86) наблюдает за красотой окружающего мира Бунин в 1941 г.

Подчеркнем, что взгляд автора дневника постоянно устремлен вверх – к звездам, к небу, в котором обитают птицы, особое отношение писателя к которым проявляется в их частом и неизменном присутствии в дневнике. Превалирующее по сравнению с другими стилистическими приемами число антропоморфных метафор в описании природы в 1917-ом и в 1941 годах, несмотря на их отсутствие в записях 1922 г., говорит о восприятии Буниным всего, что окружает его в природе, как живых существ.

Самым постоянным из используемых писателем тропов является антропоморфный эпитет. Один из них – эпитет *пухлый*, встречающийся в записях за два из трех рассматриваемых нами лет с лексемами *небо* и *облако*, – говорит о существовании неких "кочующих" образов пухлых облаков и неба в дневниках Бунина.

(Цит. по: Бабореко А.К. Указ. соч. С. 169).

¹ Гинзбург Л.Я. Записи 1950–1960-х годов // Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 232.

² Бабореко А.К. Указ. соч. С. 200.

Помимо антропоморфных метафор и эпитетов Бунин часто использует метафоры, эпитеты и сравнения, относящиеся к семантической сфере "артефакты". Наиболее часто автор дневника использует их при описании неба и небесных светил, при этом первому дает метафорические эпитеты и сравнения только с артефактами природного происхождения, а при описании вторых использует сравнения как с обычными артефактами, созданными человеком, так и природой.

Характерным для заметок является бунинское восприятие природы через живопись. Сравнение художником пера природного и изобразительного рядов – сближение двух смысловых сфер (искусства и природы) – становится источником авторского восприятия и связанных с этим ассоциаций с полотнами знаменитых живописцев.

Многие исследователи справедливо характеризуют Бунина "как писателя с многосторонним (синкретическим) ощущением мира"¹. Разделяя данное мнение, отметим, что в своей дневниковой прозе – также как и в своих поэтических и прозаических произведениях – Бунин свободно совмещает разные чувственные представления (осязательные со слуховыми, вкусовыми и зрительными).

В результате анализа лексики чувственного восприятия мы пришли к выводу о том, что в записях за 1917 и 1941 гг. задействованы все известные внешние чувства человека. Единственными чувственными представлениями, отсутствующими в записях за 1922 г., один из первых годов эмиграции, являются обонятельные. В дневнике за 1941 г. имеется одна запись, содержащая обонятельные представления, которая встречается при ассоциации с Россией.

Неизменное присутствие индивидуально-авторских эпитетов и метафор в заметках о природе позволяет сделать вывод о тождественности описаний природы в дневниковой и художественной прозе Бунина, которая, как известно, насыщена яркими стилистическими приемами. К числу последних, на наш взгляд, относятся различные индивидуально-авторские синестезии (по типу совмещенных представлений), встречающиеся лишь в записях 1917 г., и традиционные синестезии в 1917 и 1941 гг.

Анализ оценочной лексики в описаниях природы позволил сделать вывод о том, что во всех заметках, имеющихся в рассматриваемых нами подневных записях, преобладает положительно-оценочная лексика, среди которой наиболее частотными являются следующие лексемы и их производные: в 1917 г. – *хороший* (13), в 1922 г. – *чудесный* (3), в 1941 г. – *прекрасный* (14).

¹ Житков А.В. Указ. автореф. С. 13.

Преобладающее употребление автором дневника позитивных оценок позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о чувстве восхищения и благоговения, которое испытывал писатель перед красотой окружающей его природы. Мы разделяем точку зрения М.К. Шемякиной в том, что природа "предстает в дневниках Бунина не простым предметом описания или исследования, но эстетическим совершенством, достойным преклонения и почитания"¹.

В результате проведенного анализа нами отмечено неизменное присутствие лексем *небо* и *облако*, в независимости от внешних условий жизни писателя. Эти слова, с одной стороны, связаны с авторским антропоморфным восприятием окружающего мира, и, с другой стороны, с испытываемым Буниным "чувством красоты"², восхищения перед нею. Двумерность данных слов позволяет нам сделать вывод о том, что они являются ключевыми во всех бунинских заметках о природе.

Противоположные чувства вызывает у автора дневника **социальный мир**. Отметим изменения в количестве подневных записей, содержащих заметки о нем, и в их удельном весе в общем объеме записей за год: 1917 г. – 61 (81%), 1922 г. – 19 (42%), 1941 г. – 86 (72%).

В результате анализа заметок установлено неизменное присутствие лексики *газеты*. Обозначающее не только сами периодические издания, но являющее собой в глазах автора дневника сосредоточение негативных проявлений человеческого общества, данное слово является ключевым в заметках о социальном мире.

Об изменившемся отношении автора к периодическим изданиям, по сравнению с почти нейтральным в 1917 г., говорит появившаяся в последующие годы разнообразная отрицательная лексика, отражающая мнение писателя об их содержании и роли в человеческом обществе.

Лексема *газеты* является "индикатором" присутствующей в первые годы эмиграции доминантности восприятия автором дневника именно социального мира, что нашло свое отражение в записях 1922 г. (на фоне вышеупомянутого отсутствия обонятельной лексики в описаниях природы данного года).

Рассматриваемые нами заметки отличает калейдоскоп действующих лиц, одним из которых является русский мужик. В большей степени, чем портреты других действующих лиц, именно портрет крестьянина, столь хорошо знакомого Бунину с детства, отражает неоднозначный взгляд писателя на сложность человеческой природы, ее спо-

¹ Шемякина М.К. Указ. дисс. С. 96.

² Пушешников Н.А. Дневники. [Запись за 1911 г., Капри].

способность соединять в себе талант, высокие душевные качества, тягу к прекрасному – с одной стороны, и бездарность, жестокость, душевную вялость и тупость – с другой.

Заметки о социальном мире, в которых писатель касается различных сторон жизни людей, отличает свойственное автору дневника разнообразие стилистических приемов. В их числе нами отмечено одновременное использование Буниным эпитетов, относящихся к различным сферам, каковыми являются сфера Эмоции, сфера Оценка и сфера Чувственные ощущения. Присутствующие в данных записях эпитеты из последней указанной сферы, как и рассмотренная ранее лексика чувственного восприятия в записях о природе, говорят о многостороннем ощущении мира автором дневниковой прозы.

В результате анализа оценочной лексики в заметках о социальном мире выделяются имена прилагательные и существительные, выполняющие функцию оценочных предикатов в высказываниях писателя. При присутствии положительных оценок в целом нами отмечено преобладание отрицательно-оценочной лексики в авторских описаниях человеческого общества и сторон его жизни.

Таким образом, в результате проведенного анализа наиболее устойчивых тем дневников Бунина, включая анализ ключевых слов и индивидуально-авторских средств выражения оценки, выявлена небольшая разница в удельном весе записей, содержащих в дневнике Бунина за 1917 г. заметки о социальном мире (81%) и природе (88%). Отметим также равенство общего количества всех записей (86), содержащих заметки на данные темы, и их удельного веса в общем объеме подневных записей за 1941 г. Оба эти факта, на наш взгляд, указывают – через свое количественное обозначение – на значимость и своего рода ”противоборство” двух смысловых сфер, каковыми в пространстве бунинских дневников 1917, 1922 и 1941 гг. являются природа и социальный мир.

В совокупности с подавляющим большинством переходов между ними, отмеченным нами ранее, и контрастностью оценочной лексики, выраженной в преобладающем использовании позитивной лексики в описаниях природы и соответственно негативной в описаниях социального мира, все это позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о противопоставлении писателем двух миров – мира людей и мира природы. ”Названная система смысловых оппозиций”¹ в едином пространстве бунинских записей, относится, используя язык Ю.М. Лотмана, к его глубинному пласту: к тому, как автор дневника

¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 139.

видит и ощущает мир¹.

Мы хотим отметить, что данный вывод совпадает с утверждением Ю.В. Мальцева о том, что Бунина в период раннего творчества² интересует ”общий конфликт «человек-природа»”³. Добавим, что обозначенный исследователем ”конфликт” волнует писателя на протяжении всех трех периодов времени, рассматриваемых в данной работе. На противопоставление автором дневника красоты окружающей вселенной и несовершенства и жестокости социального мира указывает и дневниковая запись:

”Одиннадцать часов утра. Коля напевает под пианино: «Жил был в Фуде...»

Нет, в людях *все-таки* много прекрасного!”⁴

¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 139.

² Период создания ”«Шамана» и Мотьки” (1890), ”Мелкопоместных” (1891), ”Помещика Воргольского” (1892), ”Дементевны” (позднее рассказ переиздан под заглавием ”Федосеевна”) (1891), ”Таньки” (1892), ”На хуторе” (1892), ”Учителя” (1894) и других ранних очерков, рассказов и статей.

³ Мальцев Ю. С. Указ. соч. С. 63.

⁴ Запись от 22 октября 1917 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дневник Ивана Алексеевича Бунина является составной и неотъемлемой частью его литературного наследия. Дневниковая проза в силу откровенности высказываний является бесценным документом, характеризующим автора и его отношение к современным ему событиям. Отличающаяся от художественного произведения прерывистостью, фрагментарностью и разрозненностью записей, эта проза представляет исключительный интерес в силу эмоционально-оценочной лексики, имеющейся в ее текстовом пространстве.

Сопоставление количества имеющихся подневных записей позволило выделить три временных периода – 1917, 1922 и 1941 гг. – для дальнейшего анализа основных тем бунинских дневников за данные годы. В результате как три наиболее устойчивые темы дневниковой прозы Бунина за вышеуказанные годы нами выделены *литература*, *природа* и *социальный мир*, которые, безусловно, не исчерпывают всего тематического многообразия дневников писателя за все годы его жизни. Предположительно, данные темы являются устойчивыми в едином пространстве всей дневниковой прозы писателя, однако это гипотеза требует отдельного исследования.

Анализ заметок о литературе – теме, несмотря на малочисленность записей, глубоко волнующей Бунина, – выявил разнообразие его оценок в записях 1917 и 1941 гг., что позволяет сделать вывод об отсутствии заостренности взглядов автора дневника.

Проведенный анализ всех имеющихся заметок писателя за вышеуказанные годы продемонстрировал сложность мировосприятия И.А. Бунина.

С одной стороны, в окололитературных заметках, ключевым словом в которых является лексема *пошлость*, с возрастом автора происходят изменения в смене его оценок. Как наблюдаемая тенденция к увеличению числа положительных оценок произведений других писателей, так и превалирование с годами заметок, содержащих одновременно и положительные и отрицательные оценки, может, по нашему мнению, указывать на то, что взгляд писателя становится все более объемным, охватывает все большее количество граней творчества других литераторов. Происшедшая смена частотных лексем, в свою очередь, говорит, что неприятие искусственности в литературе уступает по своей значимости для Бунина стремлению к ”преодолению литературы”.

С другой стороны, тот факт, что оценочная лексика, используемая писателем с ключевым словом в записях о социальном мире – лексемой *газеты*, с течением времени меняется от нейтральной к отрицательной, указывает на драматизм мировосприятия

Бунина, на непреходящий разлад души писателя и социального мира. Конфликт между внутренним миром автора и внешним миром отражен и в преобладании отрицательной оценочной лексики в описаниях человеческого общества и сторон его жизни.

Неизменным остается восхищение писателя перед красотой природы, о чем свидетельствует преобладание положительно-оценочной лексики в заметках о ней, ключевыми словами в которых являются лексемы *небо* и *облако*. Данное утверждение совпадает с утверждением М.Ф. Вазиной о том, что природа в бунинской прозе ”отражает представление автора о прекрасном и воспринимается как его эстетический идеал”¹.

Используемые писателем при изображении окружающего его мира стилистические приемы, в том числе индивидуально-авторские синестезии, позволяют сделать вывод о тождественности описаний природы в дневниковой и художественной прозе Бунина, что, в свою очередь, говорит о тождественности авторского восприятия.

В результате данного исследования удалось установить, что в многомерном смысловом пространстве бунинских дневников 1917, 1922 и 1941 гг. отсутствует противопоставление между такими смысловыми сферами как *социальный мир* и *литература*, а также *природа* и *литература*, и, напротив, в состоянии ”противостояния” находится другая пара смысловых сфер – *природа* и *социальный мир*. Данный ”конфликт”, волнующий автора дневника на протяжении всех вышеуказанных лет, и ”общий конфликт «человек-природа» в ранней прозе, обозначенный М.Ю. Мальцевым, схожи, что, как и установленная тождественность описаний природы в дневниковой и художественной прозе Бунина, говорит о тождественности авторского восприятия.

Результаты проведенной работы могут быть использованы как для дальнейших исследований, связанных с самими записями Бунина, так и для различных сопоставительных исследований дневниковой прозы писателя с его прозаическими и поэтическими произведениями. Так, одними из многих малоизученных на сегодняшний день аспектов в изучении его творчества нам представляется изобразительность дневниковой прозы и ее сравнение с изобразительностью художественных произведений писателя. Интересным, на наш взгляд, также может являться сопоставительное исследование двух или нескольких дневников – И.А. Бунина и профессиональных художников.

¹ Вазина М.Ф. Природа в прозе И.А. Бунина. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / СПбГУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2000. – С. 7.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники: В 2 т. – М.: Посев, 2005.
- Бунин И. Лишь слову жизнь дана... (Серия: Русские дневники). – М.: Советская Россия, 1990 г.
- Бунин И. А. Дневники // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. 6. – С. 309-540.

Литература

- Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. – М.: Молодая гвардия, 2004.
- Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). – М.: Художественная литература, 1983.
- Бахрах А. В. Бунин в халате: По памяти, по записям. – Bayville: Товарищество зарубежных писателей, 1979.
- Башкирцева М. Дневник. – М.: Захаров, 2005.
- Блок А. Дневник. – М.: Советская Россия, 1989.
- Бунин И. А. Автобиографические заметки, дневники, записные книжки, воспоминания // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9.– С. 253-376.
- Бунин И. А. К моему завещанию // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9. – С. 480.
- Бунин И. А. К моему литературному завещанию // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 9. – С. 481.
- Бунин И.А. Письма 1885-1904 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Бунин И.А. Письма 1905-1919 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2007.
- Вазина М.Ф. Природа в прозе И.А. Бунина. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / СПбГУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2000.
- Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. – Л.: Советский писатель, 1989.
- Дьяконова Л. Дневник русской женщины. – М.: Захаров, 2004.
- Егоров О.Г. Жанр дневника в русской литературе XIX века // Российский литературоведческий журнал. – 1999. – № 12. – С. 112-127.

- Егоров О.Г. Литературный дневник XIX века: история и теория жанра. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
- Есин С.Н. "На рубеже веков. Дневник ректора". – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина. – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /УГПУ. – Екатеринбург, 1999. – 19 с.
- Зайцев Б.К. Памяти Ивана и Веры Буниных // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М.: Русская книга, 1999. – С. 244-248.
- Зайцев Б.К. Бунин увенчан // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М.: Русская книга, 1999. – С. 289-290.
- Зайцев Б.К. Бунин. Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 г. // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М.: Русская книга, 1999. – С. 291-295.
- И.А. Бунин. Новые материалы. Выпуск 1. / Сост., ред. О. Коростылева и Р. Дэвиса. – М.: Русский путь, 2004.
- Иванова Д. М. Мифопоэтический и философско-эстетический аспекты воплощения образа природы в прозе И.А. Бунина. – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /ЕГУ. – Елец, 2004. – 22 с.
- Казакевич В.С. Последние чтения на вилле Jeannette // Journal of the Faculty of Humanities University of Toyama, № 52, 2010, pp. 289-294.
- Катаев В.П. Трава забвения // Катаев В.П. Святой колодец; Трава забвения; Кубик; Уже написан Вертер: Повести. – М.: Текст, 2005. – С. 105-302.
- Ковалев В.П. Бунинские рисунки пером // Русская речь. – 1972. – № 3. – 22-29.
- Колядина А.М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина: Дисс. ... канд. фил. наук / СГПУ. – Самара, 2006.
- Комирная Н.Ю. Художественная концепция судьбы в донских рассказах М.А. Шолохова: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОПУ. – М., 2005
- Кривенкова Е.А. Синестезия в языке художественной прозы М.А. Шолохова: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОПУ. – Москва, 2006.
- Крюкова Н. Г. Дневники И.А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя. – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /ЕГУ. – Елец, 2000. – 24 с.
- Кузнецова Г. Н. Грасский дневник – М.: Московский рабочий, 1995.

- Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Ст. о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. – Таллин, 1990. – С. 108-141.
- Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Н.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. – СПб.: Искусство – СПб, 2008.
- Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870-1953. – М.: Посев, 1994.
- Минералова И.Г. Художественный синтез Бунина // Российский государственный журнал. – 1999. – № 12. – С. 43-52.
- Муравьева-Логинова Т.Д. Живое прошлое. Воспоминания о И.А. и В.Н. Буниных // Иван Бунин. Литературное наследство: В 2 кн. – М.: Наука, 1973. – Кн. 2. – С. 300-330.
- Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Советский писатель, 1989.
- Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра: Дисс. ... канд. фил. наук /РГПУ им. А.И.Герцена. – СПб, 2004.
- Одоевцева И. В. На берегах Сены – СПб.: Азбука-классика, 2006.
- Райт Р.Х. Наука о запахах. – М.: Изд-во "Мир", 1966.
- Розанов В. В. Опавшие листья // Миниатюры. – М.: Прогресс-Плеяда, 2004.
- Седых А. И.А. Бунин // Седых А. Далекие, близкие. – Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1979. – С. 192-253.
- Скроботова О.В. Жанрово-тематическое многообразие "внехудожественного" творчества И.А.Бунина 1917-1923 годов: дневники, публицистика: Дисс. ... канд. фил. наук / ЕГУ. – Елец, 2006.
- Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1991.
- Снежко Е.В. Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И.А. Бунина эмигрантского периода: Дисс. ... канд. филол. наук / МГПУ. – М., 2006.
- Тяжлова О. И. Фразеосемантическое поле органов чувств человека: Дисс. ... канд. фил. наук / МГОУ. – М., 2004.
- Чуковский К. И. Ранний Бунин // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 6 т. – М.: 1969. – Т.6. – С. 91-116.
- Шемякина М. К. Человек и мир в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /БелГУ. – Белгород, 2004. – 22 с.
- Ljunggren Anna. Studies in Innokentij Annenskij's Poetics: At the Crossroads of Russian Modernism. – Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1997.

Krzyzyski Serge. The works of Ivan Bunin. – The Hague/Paris: Mouton & Co., 1971.

Словари и учебно-справочные издания

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2007.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста – М.: Флинта: Наука, 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2006.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.

Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2003.

Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Флинта: Наука, 2005.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Астрель: АСТ, 2003.

Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006.

Чернец Л.В. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2006.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. Яз.-Медиа, 2007.

Интернет-публикации

Асварищ Б.И. "Остров мертвых" Арнольда и Карло Бёклиных // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию проф. М.С. Кагана. Серия "Мыслители". Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 2009-11-22,

http://anthropology.ru/ru/texts/asvarisch/kagan_34.html

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. – СПб.: Азбука, 2000. – 2009-03-22, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Baht_AvtGer/index.php

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 473-500. – 2009-03-22, http://www.i-u.ru/biblio/archive/bahtin_problema/

Бельчиков Н. Объем и состав понятия // Мемуарная литература. Литературная энциклопедия. – М., 1934. – Т. 7. – С. 131-133. – 2009-03-24, <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le7/le7-1312.htm>

Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / ВолГУ. – Волгоград, 2007. – С. 26. – 2009-03-24, <http://vspu.ru/dissovet/d-212-027.03/avtoreferaty/kandidatskie/10-01.01/AVTOREFERAT%20BOBROVOI%20O.B..doc>

Галеев Б.М. Литература как "полигон" для изучения синестезии // Междисциплинарные связи при изучении литературы: (Сб. науч. тр.) – Саратов: Изд-во СГУ, 2003. – С. 33-38. – 2009-11-12, http://synesthesia.prometheus.kai.ru/literat_r.htm

Галеев Б.М. Синестезия – чудо поэтического мышления // "Научный Татарстан". – 1999. – № 3. – С. 19-23. – 2009-11-12, http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sine_r.htm

Галеев Б.М. Художники слова о поэтической синестезии // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы Пятой науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.Ф. Лосева. – М.: МГПУ, 2005. – С. 14-18. – 2009-11-12, http://synesthesia.prometheus.kai.ru/hudojSlov_r.htm

Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа Б.М. Булгакова "Мастер и Маргарита" // Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. – М., 1994. – 2009-12-12, <http://novruslit.ru/library/?p=25>

Доманский Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. – Тверь: ТГУ, 2001. – 2009-12-12, <http://poetics.nm.ru/>

Емельянова Л. М. Исповедь как ступень самопознания человека // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции. – СПб.: Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. – 2009-03-24, http://anthropology.ru/ru/texts/emeljanova_lm/confess_07.html

Жирмунская Т. Иван Бунин: "Никого в подлунной нет. Только я да Бог..." // Истина и жизнь. – 2007. – № 4. – 2009-03-24, <http://www.istina.religare.ru/article405.html>

Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. – Великий Новгород, 2006. – 2009-11-10, <http://www.ujk.edu.pl/strony/Oleg.Leszczak/zaika.pdf>

Карпунин В.А. Возможна ли исповедь не как литературный жанр и не как правдивый самоотчет, а как истинный самоотчет? // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: Материалы международной конференции. – СПб.: Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. – 2009-01-22, http://anthropology.ru/ru/texts/karpunin/confess_12.html

Косыгин С. Рецензия на книгу С. Есина "На рубеже веков. Дневник ректора". – 2009-01-22, <http://www.ruscenter.ru/732.html>

Кузин И. В. Дневник: между графоманией и творчеством // Диалог в образовании: Сборник материалов конференции. Серия "Symposium". Вып. 22. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 2009-01-22, http://anthropology.ru/ru/texts/kuzin/educdial_19.html

Лазарев В. Синие камни // Новый журнал, 2004, № 237. – 2009-01-14, <http://magazines.russ.ru/nj/2004/237/la2-pr.html>

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – 2009-11-14, <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>

Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия художественная литература // Избранные статьи: В 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 203-216. – 2009-12-14, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/21.php

Матвеева Н.В. Драматургическая трилогия А. Платонова («Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»): система мотивов: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / ВолГУ. – Екатеринбург, 2008. – С. 23. – <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1267/1/urgu0542s.pdf>

Михайлов О. Н. Бунин в дневниках // Бунин И. Лишь слову жизнь дана... (Серия: Русские дневники). – М.: Советская Россия, 1990 г. – 2009-01-14, <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-1.htm>

Михеев М. Ю. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст. – М., 2006. – 2009-01-14, <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>

Михеев М. Ю. Записные книжки и дневники (30 гг.). – 2009-01-14, <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/filpri.htm>

Михеев М. Ю. Фактографическая проза, или пред-текст (дневники, записные книжки, «обыденная литература») // Человек. – 2004. – № 2. – 2009-01-14, <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/PROZA.HTM>

Нёт Винфрид. Текст как пространство // Критика и семиотика. Вып. 6, 2003. – С. 38-50.
– 2009-02-21, <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs6net.htm>

Новикова Е.Г. Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс.
Межвузовский научный альманах. Вып. 3. – Ставрополь, 2005. – С. 80-89. – 2009-01-
22, http://www.russcomm.ru/rca_biblio/issue/sgpi_almanakh3.pdf

Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга»,
«Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра:
Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /РГПУ им. А.И.Герцена. – СПб, 2004. – 22 с. –
2009-02-21, <http://novruslit.narod.ru/aspirantura/novozhilova.html>

Паустовский К. Г. Иван Бунин: вступ. статья // Бунин И.А. Собр. соч.: В 5 т. – М.: 1956.
– 2007-11-14, <http://bunin.niv.ru/bunin/article/paustovskij-bunin.htm>

Пигров К.С. Дневник: диалог с самим собой // Диалог в образовании. Сборник
материалов конференции. Серия "Symposium". Вып. 22. – СПб.: Санкт-Петербургское
философское общество, 2002. – 2009-01-22,
http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/educdial_18.html

Пигров К.С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной
жизни // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Выпуск 4. – СПб.: Санкт-
Петербургское философское общество, 2004. – 2009-01-22,
http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/vita04_08.html

Пигров К.С. Рефлектирующий человек в информационном обществе, или Императив
философствования (феномен интимного дневника) // Россия и Грузия: диалог и родство
культур. Сборник материалов симпозиума. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское
философское общество, 2003. – 2009-01-22,
http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/georgia_25.html

Пименова М.П. Образы внутреннего мира человека в произведениях П.П. Ершова //
Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 7. – Ставрополь, 2009. – С. 214. –
2010-01-10, http://www.russcomm.ru/rca_biblio/issue/sgpi_almanakh7.pdf

Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. – Иваново, 2008. –
2009-04-22, http://imwerden.de/pdf/pirogov_dnevnik_vracha_2008.pdf

Рышков В.В. Рядом с Буниным. – 2009-11-22,
<http://www.moskvam.ru/2003/12/ryshkov.htm>

Рябова С.Г. Слово, творящее мир. Феноменология цвета, воздуха, перспективы в
романе «Жизнь Арсеньева». // Вестник ИГЛУ, 2008, № 3. – 2009-11-22,
http://www.islu.ru/rar/vestnik_2008_3.pdf

Силантьев И.В. Трактовки мотива в современном литературоведении // Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. – 2009-12-14, <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm>

Скроботова О. В. Жанрово-тематическое многообразие ”внехудожественного” творчества И.А.Бунина 1917-1923 годов: дневники, публицистика: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук /ЕГУ. – Елец, 2006. – 20 с. – 2009-01-14, <http://www.elsu.ru/science/avtoref-d01.html>

Тамарченко Н.Д. Сюжет и мотив: между ”темой” и текстом. ”Комплекс мотивов” и типы сюжетных схем // Теоретическая поэтика: понятия и определения. – М., 2004. – 2009-03-14, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Tamar/15.php

Фокина М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX-XX веков): Автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. – Орел, 2008. – 50 с. – 2009-08-24, <http://www.univ-orel.ru/disert/fokina.doc>

Хайнади З. Чувственное искушение слов. Бунин. «Жизнь Арсеньева. Юность» // Вопросы литературы, 2009, № 1. – С. 253-270. – 2009-04-15, <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/bo16.html>

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – 2009-03-25, <http://www.vehi.net/brokgauz/>